

[Polaris]

УРАМ СОЛНЦА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXII

Salamandra P.V.V.

ХРАМ СОЛНЦА

Фантастические пьесы
Тэффи и В. Язвицкого

Salamandra P.V.V.

Храм Солнца: Фантастические пьесы Тэффи и В. Язвицкого. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 105 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СXXXIII).

В сборник «Храм Солнца» вошли малоизвестные историко-фантастические пьесы Тэффи «Полдень Дзохары» и «Царица Таир», а также фантастическая пьеса В. Язвицкого «Храм Солнца». Пьесы «Царица Таир» и «Храм Солнца» переиздаются впервые.

Валерий Язвицкий

ХРАМ СОЛНЦА

Трагедия в 4-х действиях

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

ХРАМ СОЛНЦА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

*В знак искреннего почитания посвящаю
Александру Ивановичу
Южину (Сумбатову).*

Автор.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Верховный жрец.

Монасура } жрецы-ученые.
Тугусава

Ученики их.

Келеа, жрица, подруга Монасуры.

Жрецы у огня.

Жрецы-священнослужители.

Жрецы-музыканты.

Жрицы
} прислужники при церемониях.
Мальчики

Толпа богомольцев из мужчин и женщин.

Старик в черном плаще.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Ночь. Холмистая местность. В темно-синем сумраке выделяется высокая гранитная скала, на вершине которой белеет прекрасный храм с изящным мраморным куполом; на куполе стоит большая хрустальная ваза. Она до краев насыпана драгоценными камнями.

В середине скалы высечен ход, без дверей, с двумя ступеньками; он, как отверстая пасть, поглощает и выпускает жрецов в белых одеждах с алмазными венцами на головах.

Подножье скалы обведено белой чертой, за которую нельзя переходить непосвященным.

В сумраке вырисовывается против храма огромный амфитеатр, на ступенях которого разноцветными пятнами сидят и движутся люди. То там, то тут среди богомольцев белеют одежды жрецов и жриц, и видны желтые плащи учеников храма.

Между амфитеатром и белой чертой возвышается жертвенник из серых камней, а рядом с ним место для Верховного жреца; у подножья жертвенника, по обе стороны, сидят двое жрецов, наблюдающие чуть тлеющий огонь.

Смутно темнеют на фоне ночного неба стволы и короны пальм, чернеют невысокие кусты. На небе несколько крупных звезд: три, четыре...

Первый жрец у огня
(торжественно).

Есть ли пища у сына богов?

Второй жрец у огня
(тем же тоном, подкидывая кусочки дерева).

Он не спит, благодатный, а дремлет на страже.

Первый жрец у огня
(после паузы).

Говорят, Верховный хочет назначить преемника.

Второй жрец у огня.

Я боюсь Монасуры — кроме гимнов и проповедей, он ничего не понимает.

Первый жрец у огня.

Ты думаешь? Мне кажется, он не так прост и понимает, откуда ветер. Раскол уже начат. Нам нужно поддержать Тугусаву. Тот знает, что делать.

Второй жрец у огня.

Да. Дары скудеют. Много приходит молящихся, но даров мало. Богатые жадны, а бедные толпятся у Небесных Лестниц. Верховный бессилен. Да. Монасура чует разорение храма. Он смотрит в сторону и Келеа тоже...

Первый жрец у огня
(смеясь).

А помнишь, как бесновался Тугусава, когда она его бросила?

Второй жрец у огня
(смеясь).

Тогда у Козлиной пещеры?.. ха!.. ха!.. Келеа украшала жертву, а Тугусава... (Смолкает, заметив идущего Тугусаву.) Вон он сам (Торжественно.) Есть ли пища у сына богов?

Первый жрец у огня
(встает и подкладывает дерева).

Он не спит, благодатный, а дремлет на страже.

(Подходит Тугусава и несколько жрецов.)

Первый жрец
(Тугусаве).

Они скажут то же, что и мы.

Тугусава
(с лицемерной горестью).

Ты прав. Верховный стареет, ему трудно ходить и совершать жертвоприношения. (Обращаясь ко всем.) Бледный Всадник на незримом коне уже послан Всевышним — он скоро предстанет Верховному...

Первый жрец у огня.

А Монасура силен, его любит народ, его любит Верховный — он передаст ему жертвенный нож.

Жрецы.

Мы не допустим—это гибель и запустение!
Говорят, он сын Верховного, может быть, это правда...
Он погубит храм!..

Второй жрец у огня.

Монасура весь в огне заблуждений. Он отвергает дары, он лишит нас богатств, и мы станем нищими...

Второй жрец.

Пусть он сам, одевшись в черный плащ, стоит у перекрестков! Пусть меряет пыльные дороги в стоптанной обуви, как безумцы, не чтущие храмов!

Тугусава.

Народ любит Монасуру, его чтут за снятого. Ученики бегают за ним, как пьяницы за блудницей. Если, братья, при жизни Верховного нам не сломить его, он станет Верховным. Братья, он и теперь смотрит на нас, как скала на камень.

Жрецы.

Ты, Тугусава, ты будешь Верховным!..
Мы не допустим Монасуру!..
Ты будешь Верховным!..

Третий жрец.

Я сам слышал, Тугусава, как Монасура отвергает дары.
(С презрением.) Он живет, как нищий.

Первый жрец у огня
(ехидно хихикая).

Он любит Келею и так ею сыт, что презирает богатства. Святой мудрец ходит за ней, как ягненок за молочной матерью...

Тугусава
(злобно).

Ты не знаешь Монасуру! Он безумный, он истребит себя, чтобы истребить нас. (Сдерживаясь.) Он, как паук, опутал Келею, она в его тенетах... Он, как факел, горящий бе-

зумием. Мы должны раздуть его пламя, и пусть сгорит он!.. (Злобно.) Братья, спорами и насмешками мы будем возбуждать его на безумные поступки. Пусть бешенство его станет ему гибелью.

Жрецы.

Ты мудр, Тугусава, — пусть он нарушит законы на свою гибель!..

Пускай в него стрелы, Тугусава!..

Второй жрец у огня.

Он сам очистит тебе путь на место Верховного.

Первый жрец.

Вон он! (Иронически.) Святой песнопевец.

(Монасура подходит с Келеей; она остается у черты, а Монасура мимо жертвенника направляется к храму.)

Третий жрец.

Тугусава, говори с ним, а мы осмеем его.

Тугусава
(с вызывающей приветливостью).

Брат Монасура! Светлым богом приветствуем.

(Жрецы кланяются по ритуалу, но в этих поклонах чувствуется вражда и насмешка.)

М о н а с у р а
(немного возбужденный).

Слава Великому. (Кланяется.) Братья, в храме ли Верхов-

ный? Сегодня торжественный срок равнения дня и ночи, и я несу новые гимны.

Тугусава.

Мы рады, Монасура, — твои гимны всегда благоуханны, как розы, но в них нет драгоценных камней. (Многозначительно.) Кажется, Верховный заметил это.

Монасура
(пылко).

Я хочу одних благоуханий — они взойдут на небо вместе с жертвенным дымом!

Первый жрец
(другим злорадно).

Это мы скоро узнаем.

Тугусава.

Но сосуд стоит выше жертвенника, — он венец всего храма, как алмазный венец на каждом из нас.

Жрецы.

В каждом камне дух света и тьмы!..
Камни таят в себе счастье и гибель!..
Камни все из лучей Светлого бога!..

М о н а с у р а.

Мы люди, а не камни, и наше сердце не кровавый рубин, а благоухание веры.

Т у г у с а в а.

О, Монасура, ты вечно забываешь священный сосуд,
что первый озаряется взглядами бога.

Первый жрец у огня
(смеясь).

Брат Монасура любит больше алмазы глаз, кораллы губ
и жемчужную кожу женщины. (Жрецы хохочут.)

Монасура
(холодно).

В храме ли Верховный? (Уходит, не ожидая ответа.)

Тугусава.

Братья, видите, как презирает вас Монасура?

Четвертый жрец.

Он уверен, что будет Верховным!

Ж р е ц ы.

Тугусава, мы не оставим тебя! Смело борись, Тугусава!
Пускай в него стрелы!..

Второй жрец у огня.

Братья, нужно готовиться к жертве. Влажный ветер за-
струился, как дыхание бога, и небо оденется скоро в пурпур-
ные ризы.

(Все уходят, кроме двух жрецов у огня.)

Тугусава
(отстаёт и смотрит на Келею).

Я буду Верховным, Келеа, и ты будешь в моих объятиях! (Медленно возвращается к жертвеннику. Лицо его мрачно, гнев пробегает судорожными гримасами. Берет жертвенный нож и держит его. Успокаивается. На лице уверенность и твердость.) Ты мой, мой! (Целует лезвие.)

Первый жрец
(радостно спешит из храма).

Верховный не принял его гимна!

Тугусава
(хватая его за руку).

Что он сказал? Что?

Первый жрец.

Он сказал: «О, Монасура, ты хочешь нарушить уставы».

Т у г у с а в а.

Кто еще слышал?

Первый жрец.

Мы были все, Тугусава. Идем — Верховный зовет нас. Он печален — мы без нового гимна. Никто не писал, он просил одного Монасуру...

Тугусава
(торжествуя).

Теперь убедился Верховный. Он не верил мне. (Усмехнувшись.) Монасуры не будет сегодня. О, народ заметит это

— нужно пустить слухи... (Идет Монасура, бледный, подавленный.)

Первый жрец у огня
(смеясь).

Он будет у Небесных Лестниц!

Тугусава
(злорадно).

Брат Монасура, где приготовить тебе место? Где поставишь учеников, чтобы петь гимн?

(Жрецы смеются. Монасура идет молча к тому месту, где оставил возлюбленную.)

Второй жрец у огня
(с презрением).

Его место у черных плащей.

Первый жрец
(смеясь).

Идем, Тугусава. Келеа сегодня будет плакать от горя.

(Уходят.)

Келеа
(идет навстречу Монасуре. Она сразу поняла все, — обнимая его).

Не грусти, Монасура. Мы одни, там, на высоких ступенях, где ты учишь, пропоем твой гимн.

М о н а с у р а.

Келеа! (Держит ее за руки.) Мой путь начался. Келеа, ты

видишь конец его?

Келеа.

Сама истина за тебя, Монасура.

Монасура
(указывая на жрецов и на храм).

Но все они против.

Келеа.

Ученики и народ...

Монасура.

Не знаю.

Келеа
(улыбаясь).

Монасура?

Монасура.

Я не знаю, я только верю...

Келеа.

А я знаю! Я была, Монасура, у Небесных Лестниц, и там все те, кто не может принести даров. Все бедные, Монасура, у Небесных Лестниц.

Монасура
(взволнованно).

Кто созвал их сегодня? Ведь я хотел здесь...

Келеа
(оживленно).

Они не знали, — они, как дети. Ученики звали их сюда, но они не верят. Они ждут там, Монасура. Многие поверили нам, но если ты уйдешь отсюда, они тоже уйдут. (Среди богомольцев появились жрецы, около них быстро образуются группы, слушают их с жадностью и смотрят на Монасуру.) Взгляни, Монасура, жрецы говорят о тебе.

Монасура.

Идем, Келеа.

Идут вдоль круга и уходят. Часть богомольцев уходит, но в тоже время появляются новые. Те, у которых дары, подступают к черте.

Первый жрец у огня
(торжественно).

Есть пища у сына богов?

Второй жрец у огня
(подходя к жертвеннику).

Он не спит, благодатный, а дремлет на страже.

(Раздается монотонная музыка, навевающая мистический трепет — звуки идут из подземелья: глухие, торжественные, жуткие. Непрерывно подходят богомольцы и простираются ниц у белой черты. Жрецы поднимают их, принимают их дары и относят в храм. Один жрец ходит вдоль черты, иногда останавливается и говорит.)

Жрец у черты
(останавливаясь и простирая руки).

Братья, не преступайте черты, ибо смерть за ней всяко-

му непосвященному. Ибо место здесь свято...

Богомольцы.

Свято! свято!..

Воистину свято!..

(Жрец идет дальше.)

Жрец, принимающий дары.

Принимаю во имя Светлого Бога дар твой, жемчуг и золото. Истинно говорю — доброе дело ты делаешь. Да увидишь ты его Светлое Око.

Богомолец

(не подымаясь с земли).

Слава Великому, Светлому слава!

(Подходит один из разводящих жрецов, подымает распростершего, дает ему пальмовую ветвь и ведет к амфитеатру в первые почетные ряды.)

Жрец, принимающий дары
(уходящему).

Свято имя его. Да исполнится просимое тобой. (Уносит дары в храм.)

Жрец у черты

(на другом конце, где тоже лежат, распростершись,
богомольцы).

Братья, не преступайте черты, ибо смерть за ней всякому непосвященному. Ибо место здесь свято.

Богомольцы.

Свято... свято...
Воистину свято...

Жрецы, принимающие дары
(говорят один за другим, иногда вместе).

Принимаю во имя Светлого Бога дар твой, серебро и золото...

(Варианты: ладан, жемчуг и золото; алмазы и смирну и т. д.)

Истинно говорю — доброе дело ты делаешь. Да увидишь ты Светлое Око.

Богомольцы
(лежа ниц).

Слава Великому, Светлому слава...

(Подходят разводящие жрецы, поднимают богомольцев и уводят к амфитеатру.)

Жрецы, принимающие дары.

Свято имя его. Да исполнится просимое тобою... (Уносят дары.)

(Из входа в скале выводят под руки Верховного Жреца в пурпуровом хитоне; у него совсем белые волосы и большая седая борода. Все стихает. Музыка прекращается. Верховного подводят к жертвеннику.)

Верховный жрец
(встает на возвышение).

Братья, Светлым Богом приветствую вас, Светлым и Ясным, как Светлое Око его.

Жрецы и богомольцы.

Слава Великому...
Светлому слава... (Падают ниц.)

Верховный жрец
(воздевая руки).

Воздевая руки свои и отверзая уста свои, — хвалу воздадим тебе, Светлое Солнце!

Жрецы и богомольцы.

Слава Великому! Светлому слава!

Верховный жрец.

Братья, каждый вечер покидает нас Светлое Солнце и каждое утро появляется его Светлое Око.

Жрецы и богомольцы.

Истина!.. Истина!..

Верховный жрец.

Светлый! Он каждое утро бросает взгляды свои на храм. Каждое утро смотрит он сокровища свои, и они радуют сердце Великого. И не оскудеет рука дающего, ибо возлюбили мы Светлое Солнце, Создателя жизни. И растут и множатся дары Вышнему, Лучезарному, Яркослепящему, Жгучему, Бессмертно-Великому...

Жрецы и богомольцы.

Истина!
Истина!
Слава Великому!

Светлому слава!

(Верующие лежат ниц у своих мест; жрецы встают полукругом
около Верховного.)

Верховный жрец.

Кимвалы возьмите и лютни!

(Жрецы-музыканты берут эти инструменты из рук мальчиков-
прислужников.)

Трубы возьмем, чтобы славу о нем вострубить до высокого неба!

В песнях и гимнах изольем свое сердце! Изольем пред ним радость, изольем пред ним горе...

Братья и сестры! Просите и молитесь. Просите и молитесь...

(Тихо и замогильно звучит музыка. В толпе богомольцев, распростершихся на земле, раздаются отдельные стоны, сливающиеся потом в общий гул, на фоне которого звучит музыка. Чувствуется, как растет и ширится религиозное настроение.)

Верховный жрец

(после паузы, возвышая голос и заламывая руки).

О, яви свое Око, светлое Око свое!

Жрецы и богомольцы.

Молим и ждем.

Молим и ждем.

Верховный жрец

(указывая на храм).

Вот сосуд твой наполнен,
Полон даров — погляди!

Эти камни —
Не камни — погляди!
Это слезы,
Слезы и кровь — погляди!

Жрецы и богомольцы.

Молим и ждем!
Молим и ждем!

Верховный жрец
(громко).

Ты наш дар не отринь!

Жрецы и богомольцы.

Не отринь!
Не отринь!

Верховный жрец
(громко, воздевая руки).

Возродись, появись —
Светлое Око яви!

Жрецы и богомольцы
(с воплем воздевая руки).

О, яви!
О, яви!

Верховный опускается на колени лицом к храму. Все лежат ниц.
Гудит музыка. Ночь бледнеет. На зареющем небе вырисовываются силуэты пальм.

Верховный жрец
(после паузы, тихо).

Молим и ждем...

Все тихо.

Молим и ждем...

Молим и ждем...

(Чуть освещается купол храма.)

Все
(замирая и трепеща).

Молим и ждем...

Молим...

(Ярко вспыхивают и горят цветами радуги камни в сосуде на куполе храма.)

Верховный жрец
(в экстазе).

Внял! Внял Лучезарный, явился! Светлому слава! Великому слава!

Все
(бурно подхватывая).

Свято имя его!

Слава Великому, слава!

(На горизонте показывается край солнца и заливает все алым светом.)

Верховный жрец
(хватая большой нож).

Жертвы Великому,
Жертвы!
Пламенеет пусть кровь,
Как алые зори,
И дымится росой
Перед ликом Господа!

Все, соскакивая с мест.

Жертвы, о жертвы!
Лучезарному жертвы!

Верховный жрец кричит.

Бейте в кимвалы!
Гремите, ликуя, хвалу жизнедавцу!

(Мальчики и жрицы вытаскивают козла из пещеры; бегут с ним
к жертвеннику, пламя которого разгорается. Гремят трубы,
гремят кимвалы.)

Верховный жрец.

Крови священной!
О, крови!

Все из уст в уста и гулом.

Крови, о, крови!
Крови, о, крови!

Верховный жрец
(простирает руки и нож над огнем; все постепенно замолкают,
склоняясь ниц, но в толпе чувствуется сдерживаемое волнение,
готовое каждый момент прорваться. Пауза).

О, огонь! Воспылай ярко и распусти свой священный
дым, касаясь гривой небесной выси! Соединись с лучами

солнца. Коснись до сердца отца своего Лучезарного, донеси ему жертву. Пусть владыка богатств гонит врагов и демонов злобных; пусть шлет он дожди и дает обильную пищу; пусть поит нас вином досыта...

Пылай же, огонь — жгучий путь к Великому Богу!

(Во время этой молитвы жрецы плотно обступают жертвенник; над ними возвышается фигура Верховного жреца; через их головы видно воздевание рук — это молятся жрицы.)

Верховный жрец
(взмахивая ножом).

Боже великий и светлый,
Прими этой крови священной!..

(Над жертвенником поднимается столб дыма, краснея в лучах зари.)

Все
(вскакивая и толпясь около жертвенника).

Э-у! Э-у!
Крови священной, о, крови!..

(Рев и гул.)

Э-у! Э-у!

(Бьют кимвалы, трубят трубы. Жрецы и жрицы начинают плясать около жертвенника. Богомольцы пляшут и рвутся к жертве. Некоторые достали священное мясо и едят его. Выскочил голый человек и, вертясь волчком, наносит себе удары кинжалом. Над жертвенником клубится дым. Слышны сладострастные выкрики женщин; некоторые из них бросаются к мужчинам. Охваченные безумием пары осыпают друг друга дикими ласками. Все сплелось в клубок тел.)

Ж е н щ и н а

(возбужденная, почти нагая, выскакивает вперед и, шатаясь,
почти падая, кричит).

Возьмите меня!

Возьмите в честь Господа Солнца!

(В это время солнце, как огненный шар, медленно подымается.)

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Портик небольшого дома Монасуры. Несколько каменных скамей. На одной из них свитки, деревянная палочка для письма и чернила. Монасура стоит у этой скамьи. Группами вокруг него расположились ученики.

М о н а с у р а.

Круг тот небесный, вращаясь, указывает месяцы. Боги на нем начертали особые знаки, а смертные называли их: Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец и Козерог. Ими Божественный Разум указывает законы, и пастух, и земледелец делят работы свои по их указаниям. По ним мы знаем время, когда реки вздуваются водами и затопляют берега. Вращение их неизменно, как воля богов.

Первый ученик
(с восторгом).

Учитель! Трепет идет по душе моей от величия Бога...

Монасура.

Теперь приближается Лев, и зной палит землю, как дыхание пустыни. Братья, я принесу вам изображение кругов небесных.

(Уходит в дом.)

Второй ученик.

Как мудр Монасура! Он знает все тайны.

Третий ученик.

А Тугусава нас учит жертвоприношениям, заклинаниям от злых духов и демонов. Но неба не знает Тугусава.

Четвертый ученик.

Тугусава говорит, что служение в храме выше познаний. Ибо молитвы и сосуд совершают чудо и меняют весь мир.

Первый ученик.

Я боюсь, что Монасура учит другому, но я люблю его больше Тугусавы.

Третий ученик.

Нет, молитвы не изменяют небесных законов.

Четвертый ученик.

Изменяют.

Пятый ученик.

Тугусава говорит — изменяют.

Первый ученик.

Если боги захотят, то будет чудо.

Третий ученик.

Мы спросим Монасуру.

Монасура

(выносит деревянное изображение небесных сфер, составленное из параллельных и пересекающихся кругов).

Вот, как расположены небесные круги. Это вот круг, на котором начертаны знаки, и здесь вот — Лев. (Ученики обступают его со всех сторон.) Пять раз взойдет и опустится солнце, а на шестой день приходите в полдень к Небесным Лестницам, и, когда тень от вершины большой стены подвинется к подножью малой знак Льва взойдет над землею.

У ч е н и к и
(в восторге).

И это будет точно?
О, как знаешь ты это, учитель?
Мы придем, учитель!
Мы придем!

Монасура.

А потом, когда убежит и свернется небесная лазурь, я укажу вам его огнистые знаки, и фигуру его начерчу вам потом на песке у Небесных Лестниц. Вы будете знать его и сами найдете между небесных огней...

Ученики
(радостно).

Мы придем, учитель!
Мы придем все!

М о н а с у р а
(выходя из группы).

А теперь благословляю вас Светлым Богом... (Уходит.)

Ученики
(все).

Слава Светлому,
Великому слава...

(Расходятся.)

Первый ученик
(третьему).

С каждым разом после ученья Монасуры мне кажется,
небо приближается к нам. (Уходит.)

(Сцена пуста несколько мгновений. В это время проходит старик
в черном плаще и, заглянув в портик, уходит, опираясь на посох.
Монасура выходит, бодрый и оживленный, садится и пишет па
свитке. Потом бросает работу и глубоко задумывается. Из дома
выходит Келеа.)

Монасура
(вслух продолжая мысли).

Необходимо сказать все. Люди должны знать истину.

К е л е а
(подходит, садится у ног, обнимая).

Монасура, ты — один, ты — единственный! (Целует его.)
О, Монасура, я понять не могу, что в душе моей. Мне не
нужно ни храма, ни богов. Мне не нужно всего мира. Ты
один мой, мой единственный!..

М о н а с у р а
(нежно и ласково улыбаясь, целует ее в лоб).

О, радость жизни, ты, как весеннее солнце, греешь хо-
лод мысли. Ты, как ароматный, пьянящий цветок, опья-
няешь душу для наслаждений. (Прижимает ее, закрывая глаза.

Но думы снова темнят его лицо. Пауза.) Келеа, сегодня я хочу сказать ученикам истину...

Келеа
(вздрагивая и хватая его за руки).

Подожди, Монасура! Пусть остановится солнце на время, пусть не бегут так скоро тени у Небесных Лестниц и не меняют часов...

Монасура.

Это нужно, Келеа.

К е л е а
(приникая к нему).

Мне страшно.

Монасура.

Путь мой намечен, Келеа. Горе тем, кто станет на полпути, ибо дух его будет между жизнью и смертью, но не докажет истины. (Воодушевляясь.) О, как понятен мне мир и законы богов! Тольке твои поцелуи пьянят больше, чем откровение Бога. О, слушай, Келеа! Мне мнится теперь, что взошел я на высокую гору, а у подножья ее легли тайны и загадки земли, и я вижу их с высоты. (Встает.) Вот они у ног моих. Я гляжу в высокое небо и оно спускается ко мне, и я, как полная луна, иду по небесным кругам.

Келеа! Когда лучезарный день свивает свой зыбкий занавес с огнистой бахромой вечерних пыланий — несметные очи богов смотрят мне в душу. (Переживая восторг, который замирает в его груди.) Вот раскинулся бескрайный молочный путь, опоясав все небо, и мысли мои, как крылатые ангелы, идут по небу к разуму Бога...

(Пауза. Келеа с благоговением любви и восторга смотрит на него, как на пророка.)

Келеа
(волнуясь).

Когда говоришь ты, Монасура — я слышу пение с неба.
Ты — пророк, Монасура!..

Монасура
(сжав брови).

Но я ненавижу обманщиков! Пусть погибну, но раскрою всю истину ученикам и черным плащам. Черные плащи, Келеа, близки моему сердцу... Ум их темен, как их плащи. (Горячо.) Но душа их, Келеа, светлее наших алмазных венцов.

Келеа.

О, не говори всем так открыто! Не верь людям, Монасура. Они предадут тебя.

Монасура.

Разве я для людей это делаю? Я — все для Истины. И как я не скажу? Разве можно сказать реке, чтоб не текла она? Она мчится к великому морю, и если что преградит путь ей, она сокрушит преграды...

Келеа
(со слезами на глазах).

Ты забыл меня, Монасура.

Монасура
(с упреком).

Ты — женщина.

Келеа
(страстно).

Да! Да! Мне любовь моя — моя истина! (Готова заплакать.)

Монасура
(нежно).

Келеа! Путь мой намечен... Но разве я люблю тебя мало? Если нужно, я отдам свою жизнь за любовь твою, за тот сладкий огонь, что идет от тебя по всем моим жилам и жжет мое сердце...

Келеа
(лаская его, со страстью).

Говори, говори еще и еще!..

М о н а с у р а
(опьяненный).

Как счастлив, как безумно я счастлив...

Келеа
(страстно).

У тебя могучие руки, Монасура — удержи это счастье. Не спеши, Монасура!.. (Монасура молчит. Борьба происходит в его душе.) Ты непустишь черных плащей к себе, чтобы не погубил, тебя Тугусава? Пусть одни ученики идут за тобой, и с ними пойдешь ты к народу.

Монасура.
Не бойся, Келеа. Шаг за шагом я поведу учеников за со-

бой, ступень за ступенью перешагнут они и приблизятся к вершине...

(Целует ее и отходит. Келеа счастлива, но что-то беспокоит ее, беспомощно уронила она руки. Входит Первый жрец.)

Первый жрец.

Брат Монасура! Светлым Богом приветствую, как Свет-
лое Око его.

Монасура.

Светлому слава...

Первый жрец.

Тайна храма, Монасура.

Монасура.

Да будет она вечной.

(Пауза. Келеа тревожно смотрит на жреца и Монасуру.)

Келеа
(идет).

Я ухожу, Монасура. (Медлит.)

Монасура
(твердо).

Тайна храма, Келеа.

(Келеа уходит.)

Первый жрец.

Верховный прислал меня. Твои гимны, Монасура. (Дает свитки. С затаенной иронией.) Волей Верховного гимны будет писать Тугусава. (Монасура молча берет свитки и кладет около своей рукописи.) Одного здесь нет, Монасура. (Указывает на свитки.) Его сжег Верховный, ибо в нем богохульство...

Монасура
(гордо, вспыхнув).

Истину не сожжет и Верховный! Но никто не найдет богохульства у Монасуры. Это вы, вы хулите людей и богов... (Сдерживаясь.) Да исполнится воля Верховного. (Отвертывается.)

Первый жрец
(усмехаясь).

Богохульство нашел Тугусава и Верховный и все мы — согласны... Смирись, Монасура... (Вызывающе.) Я — простой жрец, а не ученый— говорю: брось свои детские бредни...

Монасура
(оборачиваясь).

Ты — простой вор.

Первый жрец
(в бешенстве).

Как ты смеешь говорить это? Ты лжешь! Богохульник, твой жребий брошен, и венец твой будет снят! Снят будет!..

Монасура
(смотрит на него в упор, и тот начинает пугливо ежиться и замолкает. Пауза. Говорит со спокойным презрением).

Ты украл изумруды из священного сосуда. (Жрец растерянно, злобно смотрит на него. Монасура, усмехаясь.) Стоит мне захотеть, и жертвенный нож завтра же будет в моих руках, но у кого будет твой, а не мой венец, я не знаю...

Первый жрец
(струсив).

Прости, Монасура...

Монасура
(смеясь).

Я пойду к Верховному с открытыми объятиями, и вы с Тугусавой разбежитесь в норы, как ящерицы...

Первый жрец.

Прости, Монасура... Тугусава ведет козни, ты на пути его... Но не губи меня, Монасура... Мы, простые жрецы, между двух огней... Кто победит, тот и погубит... Прости... (Вкрадчиво). Если ты хочешь примириться с Верховным, занять его место, я предам тебе Тугусаву...

Монасура
(усмехаясь).

Я согласен. Предай только мне Тугусаву... (Вспыхнув негодованием.) Прочь от меня, вор и предатель! Прочь!.. Или я ударю тебя! (Жрец убегает. Монасура взволнованно ходит. Лицо его пылает гневом. Пауза.) Мой жребий брошен. И это враги мои? Это они поднимают грязные руки на истину! (Замечает идущую Келеу и принимает спокойный вид.)

Келеа
(тревожно и вопросительно).

Монасура?

Монасура.

Ничего, Келеа. Мне возвратили гимны. Их будет писать Тугусава...

Келеа
(с ненавистью).

Тугусава? О, как гнусен, как ненавистен мне он! Не говори о нем, Монасура.

Монасура
(привлекая ее к себе).

Если муки мои начнутся, если...

Келеа
(со слезами).

Я люблю тебя, я люблю! (Страстно.) Мое сердце бьется твоим. Душу и тело я отдала тебе. Если народ упадет пред тобою ниц, упаду и я к ногам твоим. Если осудят тебя и пойдешь ты, как нищий, я буду рядом... Всюду, всегда с тобой я, Монасура.. Только когда разлюбишь меня я. умру, Монасура...

(Монасура взволнован, он быстро прижимает ее к груди, чтобы скрыть тоску. Взор его печален и нежен, в глазах слезы. Пауза.)

Монасура
(овладевая собой).

Келеа, время готовить жертву, и ты должна быть у храма. (Келеа целует его и отходит; берет небольшой кувшин; идет к храму.) Знай, Келеа, никогда, никогда я не разлюблю тебя! (Она вся освещается счастьем, но это счастье веет печалью. Уходит. Монасура, проводив ее взглядом, оборачиваясь и стискивая руки.) И я, я должен бросить ее на весы жизни и смерти. Закрывает лицо, опускаясь на каменную скамью.)

Старик в черном плаще
(входит и низко кланяется).

Монасура! (Тот поднимается твердый и спокойный.) Мы ждем твоего решения. Ты медлишь, а народ волнуется и ждет своего святого. Боги в душе твоей, Монасура, и не место тебе среди лицемеров.

Монасура.

Предоставьте решать Монасуре.

Старик в черном плаще
(кланяясь).

Мы верим тебе, свято слово твое, Монасура. Но мы устали душою, нас проклинают и гонят, мы не слышим божественной речи. Тьма томит наше сердце. Мы слабнем, многие малодушны...

Монасура.

Сегодня я не иду к ученикам, я не пойду к храму. Там, за Небесными Лестницами, пусть ждут меня. Истину всю до конца я открою им. Иди. (Старик в черном плаще кланяется и уходит. Монасура, с тоской сжимая руки.) Келеа, Келеа...

(Слышно, как вдали поет толпа черных плащей свой гимн.)

Хор черных плащей.

В мире мы вечные странники,
Божьего мира прохожие.
Нам не надобно злата и сребра,
Камней самоцветных и жемчуга...
В черных одеждах прохожие
Мы ходим путями тернистыми,
Сердцем взыскав лишь истину...

От храмов богатых гонимые,
Храмов не славим мы, странники,
Божьего мира прохожие.

Монасура
(взволнованно, в невольном порыве).

Я с вами, с вами, искатели истины!..

(Черные плащи удаляются, повторяя гимн сначала. Пение
постепенно стихает.)

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

День склоняется к вечеру, но кругом еще чувствуется тропический зной с его негою. Резко лежат длинные, черные тени.

Расплавленное бездонное небо чуть розовеет. Отчетливо видно вдали черную скалу, а на ней, как белая птица, сияет мраморный храм.

Драгоценные камни слились в один огромный бриллиант, играющий тысячью цветов.

Неподвижно стоят гордые пальмы, высоко подымая свои короны.

Впереди, на площадке, первобытная обсерватория. Справа возвышается кирпичная стена в виде прямоугольника, поставленного на больший катет. Мелкие ступени ведут к вершине стены.

На площадке, около стены, несколько каменных скамеек. Одна из них покрыта пурпуром.

Между скамьями и стеной стоят группами ученики в желтых одеждах. С ними беседует Монасура в белом хитоне с красным поясом — знак ученого.

Группа учеников у скамей.

Первый ученик.

Разве день нашего испытания настал?

Второй ученик.

Не знаю. Нам никто не говорил об этом.

Третий ученик.

Зачем не приготовлен пурпур для Верховного?

Монасура

(молча подымается на ступени. Ученики становятся у лестницы; часть их садится на ступени у ног Монасуры).

Сегодня здесь, у Небесных Лестниц, будет мой суд. (Среди учеников движение.) Приготовлен уже пурпур Верховному... Вы не знали об этом, как не знает никто из непосвященных. Но я говорю вам, ибо сегодня я открою вам все, что вы не знаете. Я укреплю ваше сердце.

Ученики
(волнуясь).

Мы верим, учитель... Мы верим...

Монасура.

Здесь, у Небесных Лестниц, каждый из вас будет на испытании, чтобы стать жрецом. Но здесь же, перед этими скамьями, с жрецов снимают венцы. (Среди учеников замешательство.) Вон идет и мой обвинитель. Знайте, за все время почитания Светлого Бога судили двоих, и третьим судится Монасура.

(Проходит Тутусава в сопровождении двух учеников и, положив свиток на пурпур, удаляется к храму. Этот приход, молчаливый и суровый, вносит еще больше тревоги. Некоторые из учеников незаметно уходят, один присоединяется к Тутусаве.)

Первый ученик.

Говори нам, учитель, говори! Мое сердце дрожит, и руки опускаются.

Монасура
(после паузы, вдохновенно).

Братья! Много лет я встречал и провожал солнце с этих высоких ступеней. И всегда его путь один и тот же, все его небесные круги точно измерены. Одни из них для весны, другие для лета, третьи для осени, четвертые для зимы.

Ученики.

Знаем, учитель, ибо ты открыл нам.

Монасура.

Бог поит небо, и землю, и лишь только пожелает он молока от небесных коров, — горы окутываются грозowymi тучами, и сильнейшие пешеходы утомляются.

Он проложил путь солнцу и пустил воды бежать к морю; дням он назначил широкие колеи и правит ими, как возница конями. Дыхание его — ветер. Он выводит великого священного коня, несущего тысячу даров... (В экстазе.) Гляжу я на лик его — мне видится он, как пылающий огонь, ибо царь небесный сподобил меня лицезреть пышность света и тьму на небесах...

Уставы его несокрушимы.

Он ведает путь птицы и след ветра...

Он хранит закон свой и смотрит долу на все, что сокрыто, на все, что творилось и еще имеет твориться...

Одетый в золотые латы, он облачается сиянием, как ризою.

Ученики
(в волнении).

Истина!
Истина!

Монасура.

По знакам небесным и светилам мы гадаем о жизни, гадаем о конце и начале мира, ибо нет ничего точнее, ничего вернее Вечного Неба. Боги говорят оттуда, а огонь небесный — вестник воли и разума богов...

Ученики
(хором).

Слава Небу, Вечному Небу!

Монасура.

На веки веков положили боги законы, на веки веков начертили небесные круги, а человек умирает, и даже курган над его прахом время слизывает жадным языком...

Ученики.

Истина!
Истина!

Монасура.

Братья! Рассудите теперь и обдумайте: может ли смертное и непостоянное управлять вечным и неизменным?

Ученики
(после паузы).

Нет, учитель! Ибо вечное и неизменное — боги, а смертное — люди.

Монасура.

Как же вы разумеете, братья, о храме и сосуде священном?

Некоторые ученики
(с испугом).

Не касайся сего, учитель!
Не касайся!
Тугусава запретил нам!

Монасура.

Тугусава не может запретить разуму.

Второй ученик.

А разве Тугусава не такой же ученый, как ты? Разве он не носит пурпурного пояса? Мы чтим вас обоих одинаково. Почему же вы говорите разное?

Монасура.

Не чтите ни Монасуру, ни Тугусаву, — чтите божественный разум.

Третий ученик.

Тугусава велит говорить о том, чему ты учишь.

Монасура.

Разве я прячу свое ученье?

Четвертый ученик.

Он обещал награду, если скажем, чем соблазняешь ты.. (Ропот среди учеников.) Он хулит твоё имя...

Монасура
(останавливая его жестом).

Я хочу учить вас истине, братья. О, никогда не бойтесь говорить истину. Пойдите и расскажите всем, что говорит Монасура, а он встанет выше (подымается на несколько ступеней), чтобы голос его был слышен всем...

Слушайте — разве блестящие камни нужны богам? Разве желтое золото и бледное серебро изменяет круги неудерж-

ного бога Пресветлого? Разве нарушат законы Луны и смешают лучезарные звезды?

Одна радуга, изгибающаяся в лазури, богаче алмазов всего мира! (Ропот среди учеников.) И, если не будет этой жалкой горсти блестящих камешков на вершине храма, если...

(Среди учеников волнение и крики негодования.)

Часть учеников
(поспешно спускаясь и уходя).

Прав, прав Тутусава!

Святотатство и ужас! (Кричат снизу.) Демоны вошли в твое сердце! Прав Тутусава!

(Быстро уходят; вслед за ними потихоньку боязливыми группами уходят и прочие. Остаются только двое.)

Монасура
(скорбно).

Демоны, демоны!.. О, люди! вы разума боитесь больше, чем демонов.

Третий ученик
(робко, после небольшой паузы).

Если разбить сосуд?.. Тогда что?

Монасура
(устало и равнодушно).

Ничего. Солнце взойдет, как и прежде.

Первый ученик
(истерично).

Нет, учитель! Тогда конец мира! Тогда тьма и небытие!..

О, зачем же тогда люди веками верили в это?.. Зачем верят все?! Монасура хочет говорить. Нет, не говори — не нужно! Я знаю, что ты прав — ты докажешь все! Ты — прав! Но зачем ты разбил мое сердце?! Ты поднял меня на пустую и голую скалу, и я умру там от жажды! Зачем ты погубил мою веру?! (Рыдает.) Зачем? (Бежит и исчезает.) Зачем, зачем?!

Монасура
(после паузы).

Он прав. Я один на высокой скале. Но я не умру от жажды.

Третий ученик
(сквозь слезы).

Учитель, они убьют тебя. Бежим и скроемся от них... (Монасура отрицательно качает головой.) Учитель... (Беспомощно.) Учитель!.. (Монасура равнодушно смотрит на него.) Прости меня, прости... (Волнуясь и озираясь кругом.) Я трус. Я недостойный, я слабый. (Прячась, почти бегом удаляется.)

Монасура
(смотрит ему вслед, потом закрывает лицо руками).

(Пауза. Долетают глухие трубные звуки. Слышно далекое злое гудение. Показывается Верховный жрец, Тугусава и жрецы. Скрываются за холмом. Монасура на ступенях в страстном порыве простирает руки к небу).

Бог мой, бог моего разума и сердца!
Все силы отдаю тебе и молю — укрепи дух мой!
Во имя истины иду я на муки, пойду навстречу жизни и смерти.

Пусть обе страшные сестры, взявшись за руки, пляшут свой страшный танец вокруг меня.

Пусть!

Я проложу путь мой!

Я вижу далекие горизонты. Я не боюсь смерти, — она не откроет мне больше, чем открыла жизнь. Она не ужаснет, не обрадует — она ничто...

Бог моего разума и сердца! Я иду вместе с тобой... (Медленно спускается со ступеней на землю.)

(Появляется Верховный жрец, Тутусава и другие. Верховного ведут под руки.)

Верховный жрец
(приблизившись).

Брат Монасура! Светлым Богом приветствую, Светлым и Ясным, как Светлое Око его.

Монасура.

Слава Великому, Светлому слава. (Преклоняется пред Верховным.)

Верховный жрец.

Встань, брат Монасура. (Садится на каменную скамью, покрытую пурпуром; садятся некоторые из жрецов на другие скамьи; Монасура стоит перед верховным. Робкой группой столпилось в отдалении несколько учеников. Молчание.) Монасура, мы пришли испытать твою веру. Говори, Монасура...

Тутусава
(выступая).

Зачем нам слушать его богохульные речи? Надо действовать. Разве не ясен закон? «Изгоните хулящих меня, — говорит Господь, — сокрушите немедленно». Гордыня обуяла его, и сердце его напитано ядом презрения к нам. Он не брат нам! Злобу и ненависть поселил среди нас Монасура.

Жрецы.

Верно, истину говорит Тугусава!..
Он сеет расколы!..
Его любят черные плащи, а дары храму скудеют!

Тугусава
(выкрикивая).

Он переманил к себе учеников наших! Ему несут дары, ему возносят хвалы, забывая о нашем братстве! Он не велит ученикам чтить меня! Он говорит — не чтите учителя своего Тугусаву! Он смеется над верой! Разбейте сосуд, — говорит он, — и выбросьте камни!

Жрецы
(шумят, приходя в иступление, жестикулируют и кричат. Среди криков слышны отдельные слова):

Смерть ему!..
Изгнать!..
Лишить венца!..
Смерть, смерть!..
Изгнать!..

(Наступают на Монасуру.)

Верховный жрец
(делает знак — все стихает).

Говори, Монасура.

Монасура
(стоящий неподвижно, Верховному).

Светлый служитель Пресветлого Солнца.
Ты один бесстрастно, без зависти и злобы рассудишь
мое учение.

Я не скрывал своей веры. Все братья и все ученики мои знают, что говорил я, чему учил и как верил.

Я славлю Светлого Бога, но не верю, что ради жалких сокровищ подымает над миром он свое светлое Око. (Тугусава.) Но ты лжешь, Тугусава — я не беру даров и за это вы ненавидите меня. (Гул негодования среди жрецов.)

Тугусава
(в ярости.)

Ты сам лжец и обманщик! Ты соблазняешь верных, как демоны!

Верховный жрец.

Ты забыл, Монасура, сколько слез, крови, пота, страданий, благочестивых желаний в этих камнях... Не простые это камни, а сокровища души и сердца. (Страстно.) Безумец! Людям нужна эта вера! Они столько страдали. Разве можно забыть то, что выстрадал, что полюбил, как мать ребенка, после мук рождения?.. Разве я не открыл тебе, Монасура, все это, когда ты был моим учеником?..

Монасура.

А разве я не страдал? Разве даром, без жертв, я познал истину? Разве даром отдам ее! (Страстно.) Нет, братья, нет! (Кричит.) Я отдам всю свою кровь до последней капли, но ни капли истины не уступлю вам!

Верховный жрец
(после паузы).

Одумайся, безумец. (Встал. Грозно и торжественно.) Перед Оком Пресветлого Бога спрашиваю тебя — отрекаешься ли от заблуждения?

Монасура.

Нет!

Верховный жрец.

Трижды я должен спросить, тебя, Монасура. (Печально.) Я люблю тебя, Монасура... Вера шатается и падает. Ты один, Монасура, можешь поддержать ее... Мы простим тебя, Монасура... Я назначу тебя преемником... (Среди жрецов движение.)

Монасура.

Нет!

Верховный жрец.

Подожди! Замолчи, безумец! Ты знаешь, что после снимут с тебя венец алмазный, что ты будешь отсечен от братьев, как зараженный член. Ты будешь одинок, как прокаженный. Ты будешь скитаться по дорогам, и все покинут тебя... Подумай, Монасура.

Монасура.

Я давно одинок на вершине своей стены.

Верховный жрец.

Никто из верных не коснется тебя, никто не скажет тебе слова, не кинет взгляда...

Монасура
(невольно, с болью).

Келеа...

Верховный жрец.

Жрица Келеа будет при храме.

Тугусава
(с наглой насмешкой).

Верховный, ты убедишь его! Если он не видит смысла в камнях, то в женщинах толк знает.

(Жрецы злорадно усмеваются.)

Монасура
(сам с собой).

Келеа, Келеа...

Верховный жрец
(грозно и торжественно, скрывая волнение).

Последний раз спрашиваю тебя перед Оком Пресветлого Бога — отрекаешься ли ты от заблуждений?

(Все ждут с напряжением.)

Монасура
(после большой паузы, твердо).

Нет!

(Волнение среди жрецов и учеников. Тугусава торжествует. Молчание.)

Верховный жрец
(решительно и твердо).

Именем Светлого Бога, при лучах его Светлого Ока, лишая тебя власти и святости сана. (Пауза.) Проклинаю тебя.

Пусть демоны возьмут тебя, чтобы не оскорблял ты Светлого Бога этим светлым венцом.

Остальное происходит при гробовом молчании. Обряд отлучения угнетающе действует на всех. Монасура встает на полепи. Верховный снимает с него венец, передает его Тугусаве и устало опускается на каменное сиденье; потом берет подносимый ему свиток и разрывает его на части. Медленно встает и все, молча, не оглядываясь, уходят так же, как и пришли. Два жреца снимают пурпур и идут вслед процессии. Слышны далекие звуки труб. Монасура, потрясенный происшедшим, остается в той же позе, на коленях. Труды постепенно стихают. Поет женский голос. Это Келеа идет к Монасуре. Она вся в цветах, в руках корзина с ананасами, на голове кувшин с напитком.)

Келеа
(поет, приближаясь).

Сегодня Светлый Бог
Влил в меня ласки,
Мое сердце горит, будто жертвенник.
Вот священный напиток,
Дар Палящего Бога.
Он как жидкий огонь.
Он, войдет в твое сердце,
Как пьянящая радость...
Ты развяжешь мой пояс, —
Я буду такой, какой не знал ты меня.
Ибо Светлый Бог
Влил в меня ласки...

(Вдруг останавливается в тревоге. Тихо зовет его.)

Монасура!..

Монасура
(встает с колен).

Моя Келеа...

Келеа
(с испугом).

Что с тобой, Монасура?

Монасура.

Ты любишь меня, Келеа?

Келеа
(страстно бросается к нему и целует).

Монасура! Монасура! (Прячет голову на его груди.) Сегодня песни идут ко мне сами, как в небе плывут тучки...

Монасура
(целуя ее с тоской).

Если все покинут меня...

Келеа.

Я останусь с тобой!

Монасура.

Если снимут венец?

Келеа
(отскакивает. Пауза. С ужасом).

У тебя нет венца! Нет венца!

Монасура.

Я проклят, Келеа... (Медленно отчеканивает, повторяя слова Верховного.) Никто из верных не коснется меня, никто не скажет мне слова, никто не кинет взгляда... (Пауза. Келеа в ужасе пятится от него.) А ты?

Келеа

(испытывая внутреннюю борьбу, колеблется, но потом бросается к нему и замирает в объятии).

Я останусь с тобой, Монасура!

(Он целует ее долгим поцелуем.)

Монасура

(отстраняя ее и глядя в лицо, медленно).

Если я разобью сосуд...

Келеа

(страстно).

Я останусь с тобой, с тобой, Монасура!

(Сливаются в объятиях.)

Монасура

(в сознании своей силы и правоты).

Теперь я сильнее целого мира, Келеа! Любовь и истина — сестры. Им одинаково платят жизнью и кровью...

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ночь перед рассветом. Храм Солнца. Глухое монотонное пение и музыка. Кланяются богомольцы, приходят новые... Все так же, как в первом действии.

Говорят все вполголоса. Чувствуется мистическое веяние. Жрецы в белом. Полутьма.

Двигаются и рассаживаются верующие, но среди них заметно возбуждение. Жрец ходит у белой черты, другие принимают дары.

Жрец у черты
(вполголоса).

Братья, не преступайте черты, ибо смерть за ней всякому непосвященному. Ибо место здесь свято.

Богомольцы.

Свято, свято.
Воистину свято...

(Жрец идет дальше. Взволнованная группа богомольцев вблизи авансцены оживленно переговаривается.)

Первый богомолец.

Сегодня всюду слухи, что будет чудо...

Женщина.

Даже у Небесных Лестниц никого нет, — все пришли сюда.

Второй богомолец-старик.

Уже давно не было чудес. На моей жизни я не помню их...

Третий богомолец.

Жрецы ничего не объявляли народу.

Первый богомолец
(уклончиво).

Ходят слухи, не знаю...

(Приближаются еще богомольцы. Образуется вторая группа.)

Четвертый богомолец
(во второй группе).

Монасура изгнан, слава Всевышнему и Светлому...

Женщина
(во второй группе).

Говорят, он ушел к черным плащам. Говорят, он святой...

Четвертый богомолец
(перебивая со смехом).

Келеа тоже святая — ее тоже изгнали.

Голоса в обеих группах.

Он святой!
Весь народ говорит это!..

Женщина
(из первой группы).

Идите в поле — вашего святого здесь нет.

(Гул среди богомольцев. Подходит жрец — все стихает и группы расходятся, но собираются снова в глубине сцены, где уже были группы, и говорят взволнованно.)

Первый жрец у огня
(торжественно).

Есть ли пища у сына богов?

Второй жрец у огня.

Он не спит, благодатный, а дремлет на страже.

Жрец, принимающий дары.

Принимаю во имя Светлого Бога дар твой — изумруды и жемчуг. Истинно говорю...

(Раздается звон разбитого сосуда, глухой, зловещий. Всем ясно, что разбился священный сосуд. Все смолкло и окаменело. Вдруг из дверей храма выбегает жрец.)

Жрец
(кричит).

Святотатство и гибель!

Сосуд разбит!

Гибель нам, гибель! (Падает на землю.)

(Мертвое молчание. Где-то отдельные голоса, слабые выкрики. Растет общий подавленный гул. Все сходится к скале, останавливаясь у черты.)

Монасура
(появляется у скалы).

Братья! (Все замерли. Жуткая тишина. Голос звучит нервно и одиноко, как в пустыне.) Братья! Вы верили, что из-за даров восходит солнце... (Смятение в толпе. Монасура кричит.) Это ложь! Налгали вам жрецы! (Страстно.) Я понял Светлого Бога, я разгадал его небесные знаки и говорю вам: братья, налгали вам жрецы!

Бог всюду, бог — радость и свет, и раз он бог, не может он не светить и не радовать сердце людей...

Нет бога без света! Ибо бог не может не дать блага, — иначе не бог он! Не нужны ему дары и жертвы, ибо сам дар совершенный и вечный.

Братья, не верьте жрецам — они корыстны и жадны. Они крадут ваши дары. Я скажу истину!

Сегодня, без даров, без сосуда и без молений, взойдет Светлое Око! Сегодня совершится чудо! Сегодня, братья...

(Последние слова тонут в смутном рокоте бури, нарастающей в толпе.)

Жрецы
(бросаясь к Монасуре).

Это ты? Ты разбил священный сосуд?
Братья, спросите его!
Ты разбил? Ты!..

Монасура.

Я! Я разбил! (Кричит). Но придет Светлый Бог! Придет!..

(Дикий вопль толпы. Люди бросаются на Монасуру как звери, перебегая священный круг. Видно, как толпа бьет и терзает. Подбегают новые и новые избиватели. Наконец, усталые, подавленные, все расходятся... На белых одеждах некоторых жрецов кровь. На земле валяются бесформенные останки Монасуры в белых лоскутках, пропитанных кровью. Молчание.)

Верховный жрец
(выйдя из скалы и став на возвышение у жертвенника).

Братья... (Рыдает.) Братья! (В толпе подавленные рыдания.)
Наступает конец мира... Не поднимется больше Светлое
Око, и мрак и демоны воцарятся на земле...

Эта кровь безумца не спасет нас.

Плачьте, братья и сестры! Молите Светлого Бога... (С
громкими рыданиями падает на землю, а за ним и весь народ.
Тихо. Слышны растущие рыдания и молитвенные возгласы: «Гос-
поди»... «Боже»....)

Келеа
(вбегает с воплем).

Монасура! Монасура! (Падает на труп его. Пауза. Вскрикивает
и кричит иступленно.) Взял бог пророка своего! Место его в
высях небесных! В сияющей колеснице его место! Слава
Светлому Богу, слава! (Обнимает труп Монасуры. Замирает в
объятии.)

(Тугусава волнуется; то выступит вперед, то хочет подойти к
Верховному.)

Третий ученик
(приблизясь к трупу Монасуры).

Свят, свят пророк Монасура! Верьте, явится Светлое Око
Светлого Бога! Верьте! Свят, свят Монасура!..

Голоса в толпе.

Свят, свят! (Растет гул. Около трупа собираются взволнован-
ные богомольцы. Число их увеличивается.) Свят пророк Мо-
насура!..

Верховный жрец
(с огромным подъемом, голос его дрожит скорбью и слезами).

Он уйдет, он уйдет навсегда!.. (Вздевая руки.)

Боже, да не оскорбит тебя мерзость запустения!

Боже, пусть наши слезы загорятся, как алмазы и жемчуг, навстречу твоим лучам!

Боже, не ополчай на нас бедствий: злых горячек и голода, лютой заразы...

Пусть минует нас губительный меч врагов и ужас в домах наших...

(Обрывается подавленный. Тихие рыдания в толпе).

Несколько голосов из толпы
(с воплем).

Сжался, Пресветлый...

О, сжался...

Третий ученик
(кричит).

Братья! Верьте пророку — явится Светлое Око!

Свят, свят Монасура!..

Тугусава
(подошел к Верховному и говорит что-то. Верховный волнуется и закрывает лицо руками. Потом что-то отвечает. Тугусава требует, указывая на зарю, чуть заалевшую, и на группу около Келеи. Верховный соглашается с решимостью отчаяния. Тугусава выступает, как опьяненный, и кричит, переходя в исступление).

Братья! Осквернен храм! Осквернено священство!..

Братья, святотатец погиб, но этого мало!

Крови искупительной, крови. Крови Келеи, крови Келеи!..

(Среди толпы волнение. Ученики и группа богомольцев, стоявших у трупа Монасуры, озираются в страхе. Ученик трусливо отбегает, за ним бегут богомольцы.)

На жертвенник крови! Крови Келеи на жертвенник!
(Гул в толпе, отхлынувшей назад. Келеа лежит неподвижно, обнимая труп. Тугусава жрецам.) Берите ее, пока бог не увидел святотатства! Берите ее, пока не возшло его Светлое Око!

(Жрецы бросаются к Верховному. Тот выпрямляется во весь рост и, подняв нож, указывает им на Келею.)

Жрецы
(бросаются к Келее).

Исполним волю Верховного... Слава Светлому, слава!..

(Народ молчит, окаменев. Жрецы поднимают Келею и бесчувственную влекут к жертвеннику, у которого заслоняют ее от зрителей. Сильнее розовеет небо — вот-вот покажется солнце. Пауза. Перелом в толпе еще не обозначился. Она молчит подавленная.)

Крик женщин из толпы
(он, как, тонкий бич, прорезывает воздух).

Смерть! Смерть окаянной! Смерть!..

(Гул, будто ворчание зверя.)

Отдельные возгласы.

Смерть!.. Смерть!..

(Гул.)

Жрецы
(бешено).

Крови священной!

О, крови!

(Гудит тупая подземельная музыка.)

Толпа.

Эу! Эу!
Крови священной!
О, крови!
Эу! Эу!

(Дымит жертвенник, и его пламя вспыхивает ярче.)

Верховный жрец
(с экстазом).

Святой, Лучезарный! Крови прими необычной! О, сжалься, Пресветлый! О, сжалься!

Толпа.

Свят, свят Лучезарный, свято имя его!

(Показывается край солнца. Толпа в бешеной радости.)

Эу! Эу!
Внял, Лучезарный, внял!
Эу! Эу!

Верховный жрец
(подымает нож. Крики стихают, но народ, гудит, как улей).

Жертвы Великому,
Жертвы!
Пламенеет пусть кровь,
Как алые зори,
И дымится росой
Перед ликом Господа!...

(Среди жрецов и жриц движение — Келею подводят.)

Гремите, кимвалы и трубы!..

(Гремит музыка. На мгновение из-за жрецов показывается бледное лицо Келеи. Глаза ее горят безумием веры, она кричит вдохновенно, но ее не слышно. Она прекрасна в своем экстазе. Мгновение — и ее заслоняют. Она у жертвенника. Подымаются молитвенно руки жриц. Толпа, волнуясь, кипит, как черви. Верховный жрец взмахивает ножом. Гудит музыка.)

Рев ринувшейся толпы.

Эу! Эу!..

ЗАНАВЕС.

Тэффи

ПОЛДЕНЬ ДЗОХАРЫ

Легенда Вавилона

Федору Сологубу посвящается

ПРОЛОГ

На сцене должно быть темно. Опушен черный занавес. Перед ним смутно видны очертания жертвенника; лиловатый огонь на нем и дым, поднимающийся кверху. Высоко над жертвенником огненный знак богини Иштар — треугольник, увенчанный кругом. По обе стороны жертвенника черные фигуры, недвижные, неясные, в покрывалах. И слышен гимн Иштар. Говорят его речитативом, то один голос, то несколько, все тише и тише.

- Иштар! Иштар великая!
- Иштар Арбелы властвующая и Ниневии покоряющая.
- Иштар Зербанита томящая!
- Ты одна с нами!
- Одна будь с нами!
- Для нас сошедшая в черные сады смерти, для нас добывшая живую воду!
- Как рабыня пошла она обнаженная без венца и без пояса.
- Будь с нами.
- В огонь огней твоих бросила я своих детей...
- И я!
- И я!
- И мы!
- Разрушен храм твой в Ниневии, но храм твой вечен в душе моей. Тебе служу я!
- И я!
- И я!
- И мы!
- Молим тебя! Как лань!
- Как стонущий тростник!
- Как голубь, как голубь!
- В черных далеких веках, ушедших и грядущих, угасших и пылающих зовут тебя голоса наши.

— Как голубь!
— Как лань!
— Как стонущий тростник!
— Иштар! Иштар!
— Скрыты лица наши и голоса наши гложут в дале-
кой вечности...
— Иштар! Иштар! Ты слышишь ли нас? (*Голоса чуть слышны.*)
— Молим тебя!
— Как лань!
— Как стонущий тростник!..

Темно.

Подымается занавес.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шаммурамат — царица Вавилона.

Гимиар — царевич Сабейский.

Зебиба, Аторага, Дауке — рабыни.

Амелсар — тартан.

Слепой Халдей — жрец.

Жрицы богини Иштар.

Жрецы, заклинатели, рабы, рабыни, народ и воины.

Покой во дворце Шаммурамат. Темные стены, на них тускло блестит позолота. Павлиньи опахала колеблются над троном. У ступеней его два крылатых быка с человеческими головами в высоких тиарах. Над изголовьем золотой дракон Тиамат. В глубине покоя большое квадратное окно, завешенное тяжелой тканью. Направо ступени, а за ними темная завеса, отделяющая другой покой. На лево своды, на которых высечены знаки Иштар и крылатые звери. Мерцают факелы, дымно курятся ароматы в высоких чашах. Толпою стоят женщины. Лица их повернуты к колоннам, смуглые руки протянуты, они ждут кого-то. Говорят.

— Как побледнело лицо ее! Как лунная заря стало оно бледным!

— Нет! нет! Оно почернело. Как опаленные зноем пустыни листья алая почернело оно, и волосы ее шелестят, как сухая трава...

— И вот третий день сражаются они и не могут одолеть Арея...

— И не могут взять Арея, сына Арама!

— Привезут его на белом верблюде под золотым опахалом и царствовать будет над нами Арей...

— Нет! Нет! Кровью утолит! Холодной и темной кровью утолит она свое сердце!

— Царица! Царица!

— Царица!

Входит Шаммурамат. Все склоняются перед нею. Медленно идет к трону, говорит, тоскуя.

Шаммурамат. Арей! Арей!.. И еще отдам я богине длинные косы мои... Вот расчешут рабыни кудри мои и сладкой аравийской миррой обольют их и темными совьют их змеями. Отрежут рабыни косы мои. Иштар! Иштар! На твой жертвенник брошу я их, благоуханные. И ты дашь мне ночи темные и длинные, как длинны и темны пряди

волос моих. Для утех любви моей эти ночи! Иштар! Иштар!

И еще отдам я богине красоту мою. Обнаженная буду я плясать с бубном перед храмом твоим. Вот возьмут рабы свирели свои, и настроят рабыни лютни, и увидят пришельцы, как пляшет царица во славу твою! И я возьму любовь их и на твой жертвенник брошу ее! Иштар! Иштар!

Аторага (*склоняется к ногам ее*). Знает сердце мое. Счастлива будешь ты, царица!

Зебиба. Будешь ты счастлива Ареем, супругом своим!

Входят жрецы, халдеи; на них высокие шапки и длинные белые одеяния; поднимают руки и, приложив большие пальцы к вискам, раскрывают другие по два вместе. Говорят.

— Великую Шаммурамат, царицу Вавилона, приветствуем!

Первый Халдей. Царица! Два дня и две ночи гадали волхвы твои и ничего не узнали. Наблюдали мекашефимы за полетом облаков и очертанием их. Рассматривали коцемимы внутренности жертв. Следили обы за извивами змей и свистом жала их. Но, великий, не дал им знака Меродах, и слепы остались глаза разумения их.

Второй Халдей. Две ночи стоял я на башне Ваалзиде и за звездой души твоей, за звездой Дзохарой следил я. Могущественная тянет ее к себе Иштар, и изменила путь свой звезда твоя. Высоко поднялась она и скоро войдет в полдень свой Дзохара, звезда души твоей!

Слепой Халдей. Царица, вели служить тебе! Тайная страны Сеннаарской наука открыла волхвам терафимов. Вот повелишь ты, и отрублю голову рабу и священного металла листок положу под язык его. И если что спрошу у

него — ответит, ибо уже просветлен смертью разум его и открыты глаза на сокровенное жизнью.

Шаммурамат. Где меч мой? Меч подайте ему! спешите! Сердце мое горит! Иди! Иди!

Слепой Халдей. Но что спрошу я? Один только могу обратиться к нему вопрос.

Шаммурамат. Спроси, прибудет ли... Спроси, полюбит ли... Иди! Иди! Ты жжешь меня, Иштар!

Зебиба. Тебе открою: в счастливой родине моей, в прекрасном Ядиге есть камень Джамаст. Могуч камень Джамаст, и велика сила его! От злой исцеляет любви. Положишь на левую ладонь тихий камень, холодный камень, темный камень и выпьет из сердца твоего злую любовь и заалееет и отпадет от тебя камень Джамаст утешающий!

Аторага. Любить тебя будет Арей, как любил блаженно умерший от руки твоей царь Нин, сын Бэла, сына Асура великого.

Дауке. Нет! Нет! Сильнее будет он любить тебя! Сильнее!

Шаммурамат. Целовал запястья на ногах моих царь Нин. Арей и не говорил со мною! И когда на пиршестве у отца его Арама, повелителя страны Урарту, сидела я рядом с ним, и руки мои, умащенные благовониями, простирала к нему, и кольца кудрей моих бросала на плечо его, и трепет груди моей от него не прятала, но сама указывала глазами, как вздымается ожерелье мое... И он не взглянул на меня ни разу!

Зебиба. Как Менонес, будет он любить тебя! Как Менонес, убивший себя от горя измены твоей!

Дауке. Нет! Нет! Сильнее будет он любить тебя, чем Менонес, муж твой!

Шаммурамат. Прекрасен Арей! Как черные крылья лежали ресницы на щеках его и как финикийского пурпура струи алели уста... Знойный месяц Шиван аромат дыхания его! Но не поднял он ресниц на меня, и уста его для меня не открылись! Вот умер Менонес, супруг мой, любивший меня, и помню я его, но думаю, что никогда не жил он. Вот умер царь Нин, супруг мой, любивший меня, и похоронила я его в пышном моем дворце, и высокие воздвигла башни над прахом его, но думаю, что никогда не жил он. И все взяла я от них. В слиток красного золота слила я красоту и славу мою для него, для возлюбленного. И он не взглянул на меня ни разу!..

Вбегают мальчики негры, вздевают руки кверху, кричат.

— Царевич Гимиар, повелитель Сабейский, великую Шаммурамат, царицу Вавилона, приветствует!

Зебиба (*падает на землю и восклицает*): Абаали Сабба! Живи повелитель Сабейский.

И входит Гимиар. Со скрещенными на груди руками два негра провожают его. Опускается тихо к ногам царицы.

Гимиар (*говорит*). Вот я пришел снова к царице моей. Тысячу камней бирута принес я ей и пятьдесят верблюдов, нагруженных благовониями, стоят у стены города. И принес я ей алый камень Беджади, которому поклоняется народ мой, потому что в нем заключены огонь заката и кровь любви. И принес я тебе все сердце мое, и всю тоску мою, и все мое для забавы твоей!

Шаммурамат (*не слушая его, тихо*). И ни разу не взглянул на меня!..

Гимиар. Пальмовыми ветвями устелю путь твой! В храме семи звезд поставлю я трон твой, и будут тебе служить львы пустыни. Для брачного обряда нашего не зажгу я факелов, но раскалю огнем двенадцать алмазов, и голубыми звездами будут светить нам. Я разожгу костры из кипариса и малийского ладана и благовонного стиракса и принесу в жертву красивейших, не ведавших лобзаний девушек, десять, по числу пальцев на руках твоих! Голубиное имя твое Шаммурамат! Голубиное имя твое начерчу я на священных камнях храма народа моего!

Зебиба (*тихо плачет*). Как прекрасен царевич! И журчат слова его, как хрустальный ручей. Царица! Слышали мы, что не любит женщин Арей, сын Арама, что противны они ему.

Шаммурамат (*вскакивает и отталкивает ногой Зебибу*). Молчи, змея! Не видала я тебя, царевич, и не заметили тебя глаза мои. Уйди!

Гимиар. Царица!

Шаммурамат (*в бешенстве*). Уйди! Мертв ты для меня! Не вижу тебя! Не слышу! Не знаю тебя, мертвый!

Тихо, возложив обе руки себе на голову, уходит Гимиар. За ним свита его. Вбегает черный раб, тяжело дышит и, пав на землю, говорит.

— Царица! Победа! Везут его твои слуги. Там, с высокой башни видел раб твой полки вавилонские и пыль в воздухе над ними. Они близко! Идут! Идут!

Шаммурамат (*выпрямляется и вскидывает руки, словно вспыхнувшее пламя колышется вся, и громкий долгий крик вырывается из ее груди*). Арей! Рабыни! Запаястья мои! Царское ожерелье мое со священными знаками! Бла-

говония лейте на грудь мою! И есть ли кто прекрасней меня? И есть ли кто счастливей меня в Вавилоне?

Врываются жрицы Иштар с криком, похожим на вой. Тимпаны и кимвалы и короткие арфы в руках у некоторых из них. Они рвут на себе волосы, исцарапаны лица их.

— Иштар! Иштар! Зербанита!

Выбегает укрытая козлиной шкурой жрица и кружится, и пляшет, и кричит.

— Козленочек был у меня, чернорунный мой ласковый! Вплетала я косы мои в мягкую шерсть его, грела грудь мою теплым его дыханием. Вот брызнула кровь под ножом моим и живое затрепетало сердце его на жертвеннике... Возьми, Иштар, радость мою!

Выбегает вторая жрица с покрывалом на голове, кружится и кричит.

— Положила я волосы свои на глаза возлюбленному. «Что видишь ты, возлюбленный мой?» — «Вижу я золотой огонь, сгораю в золотом огне!» Вот отдала я волосы мои в пламя жертвенника твоего... Возьми, Иштар, радость мою!

Выбегает третья жрица. Разорвано платье на ней и спутаны ее волосы. Она кружится и кричит.

— Юношу полюбила я, и был прекрасен возлюбленный мой! Но не отдала я ему уста свои. К пришельцам из-за моря, к чужим, к неведомым пошла и служила желанию их. Любовь моя на жертвеннике твоём! Возьми, Иштар, радость мою!

Все жрицы вызывают.

— Иштар, возьми радость нашу, Иштар!

Вбегает четвертая жрица.

— Идут! Идут! На белом верблюде везут его под золотым опахалом. Пурпуром, словно алою кровью, залита одежда его. Иштар ведет его! Иштар! Иштар!

Они хватают факелы и кружатся. А музыка гудит, звенит и ликует.

Шаммурамат. Дайте мне факел! Факел дайте мне! Вот я встречаю тебя, Арей! Вот для тебя зажгла я факел свой, возлюбленный! Ликуйте! Ликуйте!

Входят воины. Впереди тартан Амелсар. Склоняется перед царицей и говорит.

— Повеление твое, царица, раб твой исполнил. Могуч был враг, и как темная стая саранчи покрыли равнину полки его. Но молился я великому Ашуру, и встал Син у правой руки моей, а Шамаш — у левой, и силою сильных поразил я врагов. И бежали, и за белыми горами Синджарскими укрылись. Пыль от ног их подымалась предо мною. Я переловил военачальников их и отрубил руки их с запястьями из драгоценного золота. Телами врагов своих украсим стены города, и из далекого Сидона прилетят птицы клевать очи их.

Шаммурамат. Царевич? Где же царевич? Или спешил ты, и он еще в пути?

Амелсар. Царевич здесь. Исполнил раб твой повеление царицы своей.

Делает знак воинам, те расступаются и пропускают вперед четырех рабов с носилками, покрытыми пурпурной тканью.

— Царевич здесь. Он мертв.

И все замирают на мгновение. Затем женщины начинают тихо выть, но робко, несмело.

— Эйлану, Эйлану! Горе нам!

Царица окаменела. Входит Слепой халдей и отчетливо громко говорит.

— Вот сказал терафим: «Нет любимых для Иштар. Они только камень жертвенника ее. Но любящим открыты все двери».

— Эйлану! Эйлану! — *стонут женщины.*

Шаммурамат *(очнулась)*. Ты лжешь. Он жив. Я знаю. Он жив! *(И хочет подойти к носилкам, и не смеет.)*

Амелсар. Царица! Смеет ли раб твой. Он мертв! Сам вынул я копьё из раны его. Он не хотел сдаться нам. Я видел, как бросился он на копьё, и видел, как оно пронзило грудь его.

Шаммурамат. Как лжет он! Слышите ли, как лжет он госпоже своей? Возьмите, рабы, возьмите его! Глаза ему вырвите. Ослепите его. Слишком много видел он! Положите царевича Арея на ложе мое. Сюда. Тяжко ранен царевич. Но будет ему хорошо со мною, а мне с ним! *(Склоняется к трупу Арея.)* Как бледен ты, ясный мой! Уйдите отсюда, рабы мои. Царевич болен. Очень болен царевич. Тише. Тише. Коснитесь легкими пальцами лютней ваших... Дышите в свирели тихим дуновением... Воздух окурите ароматами! Тише. Тише. Уйдите! *(Все уходят. Уносят факелы. Красноватый свет их чуть зыблется за сводами. Чуть слышно звенят лютни вдали.)* Как бледен ты! На белом верблюде привезли тебя под золотым опахалом! Вот алою кровью, словно пурпуром, залиты одежды твои. Как

близко я склонилась к тебе! Теперь ты не оттолкнешь меня... Ласковы руки твои в руках моих, и под устами моими покорны уста. Я сама сниму запястья свои для тебя и отстегну ожерелье и разорву сверху донизу одежду свою... Вот я здесь... Вот близки стали мы...

Голос халдея. И наступает полдень Дзохары, звезды души твоей.

Шаммурамат. Арей! Арей! Уста твои! Уста твои!

Свет гаснет мгновенно.

Вся сцена погружается в мрак и безмолвие. Должно чувствоваться, что проходит время. И вот. Пронесся тихий стон, не то звук струнный. Отзвучал. Погас. Замерцал вдали свет. И видно, что на сцене пусто. Тихо выходит Аторага с факелом в руке. Подходит к ступеням у завесы. Там сидит, скорчившись, Зебиба.

Зебиба. Ах! Факел твой!.. Погаси факел твой!.. Страшен мне свет. Вот уже третью ночь сижу я здесь, и от света отвыкли глаза мои навеки.

Аторага (*садится около нее*). Слышала ль ты стоны страданий ее?

Зебиба. Нет. Нет. Стоны радости, голубиные стоны слышала я.

Аторага. Он мертв.

Зебиба. Пусть так. Голубиные стоны. Я слышала их. Пусть так.

Аторага. Страшно мне. И с тобою еще страшнее. Видела ты Амелсара воина? Ослепили его острием копья, и кровавые слезы текут по щекам его. Слишком много видела глаза Амелсара, так сказала она.

Молчат.

Аторага. Страшно мне! Отчего молчишь ты? Видела я Аведораха, слугу царицы... Отчего молчишь ты?

Зебиба. На царское ложе положили его, прекрасного. Венец царя Нина сомкнула царица над бледным челом его...

Аторага. Молчи! Молчи!

Зебиба. Когда несли, видела я, как колыхались ресницы его. Но бледен, ах, бледен был он!..

Аторага. Аведорах говорил мне... Вместе с другими слугами внес он Арея на ложе. Он говорил – что холодны были руки Арея страшным последним холодом... Не согреет его царица... Вот опять молчишь ты!

Зебиба. Брачный напиток приготовила она из меда и вина и стиракса сокоторийского. Любовное ли забвение найдет она на дне чаши!..

Аторага. Тише! Замолкни! Вот идет кто-то.

Тихо пробираясь около стен, подходит рабыня Дауке и шепчет.

— О страшно. Страшно. Нельзя больше жить. Кончилась жизнь Вавилона. Воят собаки у стен его и не смолкают. Труп непогребенный чувуют они.

Аторага. Молчи, Дауке! Дауке!

Дауке. Тысячи курильниц дышат ароматом своим, и дымом благовония покрыт дворец царский, как сладким туманом. Но разве не слышите вы дыхание тлена? Плачь-

те! Плачьте! Рвите одежды свои. Ибо настал конец великому городу, и воют собаки у стен его.

Две ночи не выходила луна на небо, и солнце покрылось тучами. Опустели тихие улицы, и звенят и кричат камни под ногою одинокого. Говорит народ: вот оденут труп в одежду царскую и будет мертвец властвовать над нами. Осквернила Шаммурамат и себя, и дом свой, и весь народ свой. Но вот поднялся царевич Ниниас, сын ее, сын Нина, сына Ассура Великого, и погибнет царица, и будет спасен народ.

Тихо раздвигается ткань завесы и снова сдвигается. Чуть белеет лицо Шаммурамат. Темная одежда на ней, и женщины ее не видят. Стоит недвижно.

Дауке. Собрались жрецы и воины, пошли к царевичу и не смеют войти сюда. Слышите вы вопли их? Нет. Тихо, тихо здесь! И вы обе тихие. Тихие, отчего молчите вы? Страшно вам?

Пляшут жрецы вокруг жертвенника и острыми пронзают себя копьями. Страшные творят они заклинания и не смеют войти сюда. От осквернения трупом спасут ли себя? Я бедная рабыня госпожи своей, я трижды очертила себя факелом и пришла сюда. Чего нам бояться? Рабыни мы. Вот придут сюда жрецы и воины и сожгут нас за то, что служили царице Шаммурамат. На костре из мирры и кипариса в славу своей Иштар сожгут они нас! Разве вы боитесь? Разве страшно вам?

Зебиба. Не боюсь я и не страшно мне. Но темная сковала мою душу тоска, но не знаю я ничего и не могу ничего. Вышла бы я к стенам города и выла бы вместе с собаками и скребла бы ногтями холодную землю. Что могу я? Что знаю я?

Аторага (*вскакивает*). Идут сюда. Слышу топот их...

Зебиба. Молча идут они...

Дауке. Идут молча.

Зебиба. Что несут они нам? Страшны шаги их в молчании!

Аторага. Ах, лучше бы вопили они и проклинали и грозили нам... Страшно молчание их!

Дауке. Воющие собаки не так страшны, как страшны мне эти молчащие!

Показывается свет за колоннами. Приближается. Идут жрецы в белых одеяниях, за ними воины, народ. Шествие останавливается за сводами. Выходят вперед жрецы и, воздев руки, восклицают.

Жрец заклинатель. Злые духи, алалы — разрушители радостей, телалы — черные воины, маскимы — терзающие — сгиньте!

Все жрецы. Семеро вас! Семеро вас — трижды семеро! Сгиньте!

Жрец заклинатель. Священный огонь Гисбар! Ты пламя золота! Великое пламя, исходящее от сухого тростника! ты пламя меди! ты покровитель в огненно змеящихся языках! ты вестник Меродаха! очисти нас! Алалов, телалов, маскимов истреби!

Все. Семеро их! Семеро их! Трижды семеро! Да сгинут!

Жрец заклинатель. Да не встанет на нас Нимтара — дух чумы и не поднимется Идпа — дух горячей болезни, рождаемой мертвыми. Да увидят они образ свой и устроятся. Из белого кедра факел мой! И прогонит огонь белого кедра злую силу и рассеет ее по горячему морю пустыни и в холодную пустыню моря ввергнет ее. О, дух неба,

Зиана-Ана, к тебе взываю! О, дух земли, Зи-ки-а, Эа, к тебе взываю!

Воины. Царевич Ниниас с нами. Да царствует Ниниас!

Показываются над головами воинов высоко поднятые носилки Ниниаса. Он сидит недвижно, закованный в золото высокой тиары.

Народ. Смерть Шаммурамат, убийце царя Нина! Смерть осквернившей Вавилон, город великих!

Вытягивает вперед руку Ниниас и возглашает.

— Женщина Шаммурамат! Вот несут рабы мои чашу и трезубец и конское копыто для трупа, который укрыла ты. И несут еще чашу и еще трезубец и конское копыто для могилы твоей! Женщина Шаммурамат, осквернившая трон отцов моих, да погибнешь!

На мгновение показывается среди толпы лицо царевича Гимиара. Безумны глаза его. Он сорвал с головы золотую цепь и потрясает ею в воздухе и кричит.

— Обнажите чело ее! Волчица она, пожирающая трупы! Прогоните ее, обнаженную, в пески пустыни. Пусть скитается и воеет. Львы растерзают плечи ее и разорвут когтями красные губы. Проклято имя ее!

Шум разрастается, охватывает стены дворца, рев, как морской прибой на улицах города, и вот, покрывая его, раздается голос Шаммурамат. Она выступает вперед и, вытянув руки, склоняет голову.

Шаммурамат. Да царствует Ниниас, царь Вавилона! Вот кланяется ему Шаммурамат, рабыня его.

Шум сразу обрывается.

Да царствует Ниниас! Вот, там на ложе моем лежит труп Арея, сына Арама, царя Урарту. Был врагом нашим Арей. Слышишь, народ вавилонский? Арей был врагом твоим. Он сражался с тобой, он колол копьем воинов твоих и рубил их мечом, а рабы считали отрубленные головы, толкая их ногами. Ты слышишь, Ниниас, царь Вавилона? Так повели же рабам твоим, пусть возьмут тело Арея, врага нашего, и, зацепив крючьями, влекут его по улицам в пыли и в грязи; пусть дети кидают в него камнями и женщины издеваются над прахом его! Слышите, вы, рабы царя вавилонского и слуги его? Издевайтесь над трупом Арея — он был врагом господина вашего. Распните его на стене города! Пусть ветер плюет горячим песком в лицо его и грудь его клюют черные птицы! Радуйтесь дождю, заливающему глаза его, и благословляйте град, секущий плечи! Спешите, спешите! Пусть солнце в восходе своем светит на радость вашу...

Все мечутся, срывают завесу, бегут дальше, и слышатся торжествующие крики толпы. Часть народа уходит за своды, уносит Ниниаса. Остаются только царица и рабыни.

Зебиба. Царица! Царство отдала ты Ниниасу. Отдала сыну царство свое и нас отдала. Куда же уйдешь ты?

Шаммурамат. Уйду! Разве я могу быть с вами! Мертвые вы для меня. Погасила я факел свой в эту ночь, и вот близок рассвет. Близок рассвет!

Припав к земле, внимают ей рабыни.

Как крылатое солнце, вознеслась душа моя в полдень свой. Все охватила она, все взяла и все в ней. Мертва земля для меня, мертвы люди, и нет ничего, кроме меня!

Любви Арея хотела я. И принесли мне труп его! Не сохранила его Иштар, потому что нет для нее любимых. Они

только камень жертвенника ее. Любить Арея захотела я. И открыла для меня богиня все двери!..

Прекрасен был Арей и прекрасна была жертва моя!

Закрыты были глаза его. Но вся моя красота была для него! Не слышал он меня, но все вздохи любви моей были для него! Недвижим был он, но с ним прошла я все шесть башен великого храма Иштар, все шесть башен прошла я и взошла в седьмую, туда, где белые расправляют голуби крылья свои! И стал мертв Арей, и бросила я мерзостный труп, и отдала его смерти и тлению. Любовью горит крылатое солнце — душа моя! И все в ней, все мое в ней для меня!

С вами ли буду я, мертвые?

Подходит к окну и откидывает завесу. Синее небо и яркие лучи рассвета. Слышатся звуки лютни и возгласы.

— Солнце восходит!

— Слава великому Солнцу!

— Слава богу Меродаху, победившему дракона Тиамата!

— Золотые свои откроет для нас двери...

— Солнце, солнце!

Царица медленно опускает за собой завесу, и она скрывает ее. Рабыни ждут, склоненные, простирают к ней руки. Ждут.

Зебиба (робко окликает). Царица!

Дауке и Аторага. Царица! Царица!

Зебиба подбегает к окну и откидывает завесу. Пустое окно залито солнцем. Синее небо. Белые голуби летят к солнцу.

ЗАНАВЕС.

Тэффи

ЦАРИЦА ТАИР

Приключение ассирийское

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Назир-Габал-Ассур-Ил-Бил и прочее — царь Эламский.

Царица Таир — его жена.

Волхв — прорицатель.

Гумбаба — писец.

Аторага.

Упасамра } Рабыни.

Дауке

Красивый раб.

Рабы, рабыни, свита, негритята, женщины с музыкальными инструментами.

Царь — плотный здоровый мужчина, набелен, нарумянен, длинная борода завит поперечными рядами колец, волосы спускаются локонами на плечи. На голове высокая митра в форме усеченного конуса, белая с синими полосками. Лоб повязан широкой вышитой лентой, концы которой падают на затылок. Платье голубое с красным, все зашито золотом, руки открыты, украшены змеевидными браслетами. В ушах длинные веретенообразные подвески.

Он считает себя умным, любит веско поговорить, но больше всего любит поест и выпить.

Царица Таир — ловкая, гибкая, лукавая, уверенная в том, что всегда вывернется. Одета в голубое, пурпур и золото. На руках и ногах браслеты, на голове низкий венчик, волосы распущены и завиты поперечными колечками, как борода у царя. На шее ожерелья, в ушах серьги с подвесками; металлических украшений на ней такое множество, что

при каждом движении ее раздается звон, будто вдали проезжает русская тройка. Кожа Таир оливковая, глаза темные, продолговатые. Она очень красива.

Волхв — старик в белой полотняной одежде и высокой остроконечной шапке.

Сцена представляет внутренние покои дворца. Справа, в глубине, ложе царя — нечто вроде современной кушетки, обложенной подушками и шитыми золотом тканями.

Стены украшены барельефами, изображающими царскую охоту, и священными знаками богини Иштар. Два огромных крылатых быка с человеческими головами в высоких митрах лежат по обе стороны сводчатого входа.

Перед поднятием занавеса слышится смех, звуки флейты и звон металлических тарелок.

Среди комнаты лежат на полу две рабыни, смеются — одна дует в флейту или свирель, другая звенит тарелками. Красивый раб пляшет с рабыней Аторагой. Это скорее игра, чем танец. Он ловите ее, она визжит, увертывается. Ткань, закрывающая боковую арку, тихо приподымается, царица Таир подсматривает. Она тоже смеется, ей нравится то, что она видит. Потом подкрадывается, встает на ложе и, взяв в тонкое короткое копьё, замерла и смотрит. Вот красивый раб поймал Аторагу и целует ее. В эту минуту Таир бросает в него копьё, которое слегка задевает ему плечо. Раб вскрикивает, видит царицу и покорно падает на пол. Все три рабыни падают также.

Таир (*надменно*). Так вот вы как! Вы тут веселитесь! Вы тут бездельничаете, когда ваша госпожа работает, не покладая рук (*нагибается, берет Аторагу за ухо*). Какая твоя обязанность, отвечай!

Аторага. Моя обязанность стоять около ложа госпожи моей.

Таир. А вместо этого ты что делаешь? *(рабыням)*. А ваша обязанность какая?

Рабыни. Сидеть на ковре, смиренно поджав ноги!

Таир. А вы вместо этого дрыгаете ногами! Очень хорошо! *(наклоняется к рабу, говорит лукаво и ласково, улыбаясь)*. А твоя обязанность какая? Отвечай, красивый раб! Подожди, я сейчас научу тебя, как служить госпоже своей. Аторага! Упасамра! Дауке! Встаньте у входов! Вы знаете, что повелитель каждую минуту может вернуться с охоты. Вы должны стеречь его возвращение, чтобы он не застал нас врасплох, то есть, чтобы мы были готовы встретить его как следует. Повернитесь ко мне спиной, а то вы будете глазеть на меня и все прозеываете *(рабу)*... Подойди ко мне, красивый раб *(садится на ложе, берет его голову)*. Как ты красив! Ты удивительно красив!

Аторага *(оборачиваясь)*. О, госпожа! Мне кажется, что я уже слышу шаги повелителя.

Таир *(минутку прислушивается)*. Аторага! Лукавая раба! Не хочешь ли ты, чтобы я отсчитала на твоей спине те шаги, которые ты только что слышала! *(рабу)* Да, ты красив! Кудри твои завиваются такими красивыми колечками, что если бы я не была верной женой своего повелителя, я бы украсила эти колечки драгоценными камнями *(снимает с шеи ожерелье и повязывает им голову раба)*.

Раб. О, госпожа моя! Доброта твоя может сравниться только с твоей красотой.

Таир. Как прекрасны глаза твои, красивый раб! Если бы я не была верной женой повелителя, я бы заглянула в

них вот так... вот так... *(обнимает его за шею и близко смотрит ему в глаза)*.

Раб. А красоту твою могу сравнить только с твоей мудростью.

Таир. А губы твои! Пурпурные одежды мои кажутся перед ними линючими тряпками! Если бы я не была верной женой повелителя, я бы поцеловала твои губы вот так... понимаешь?.. вот так *(целует его)*. Или ты не понял, как бы я поцеловала их, если бы не была... *(все время целует его)* верной женой... повелителя...

(Слышится звон медных тарелок. Через публику к сцене идет царь. Впереди бегут голые негротята и бьют в тарелики. За ними спешно и сердито царь. За царем двое юношей с опахалами, писец с кирпичом, рабы, свита; идут через рампу. При виде его раб и рабыни покорно падают на землю. Царица склоняется, вытянув руки, и остается в такой позе).

Царь. Ага! Поймал-таки! Одиннадцатый раз! Одиннадцатый раз за три месяца и два дня, что мы женаты!

Таир. Как — одиннадцатый? О великий Назир-Габал-Ассур! Зачем же ты клеветешь на верную жену твою! Ты говоришь, одиннадцатый — всего девятый!

Царь. Нет, одиннадцатый! Ты не собьешь меня, лукавая Таир. Мой царский писец ведет счета правильно!

Таир. Ну, во всяком случае, десятый *(один из негротят быстро убегает)*. Казненный тобою лучник Уккини был такого маленького роста, что это нельзя было даже считать за измену.

Царь *(опускается на ложе)*. Молчи и успокойся: сегодня вечером я собственноручно отрублю тебе голову. Сей-

час прошу извинить — я не могу. Я слишком устал. Теперь потрудись отвечать, как все это произошло.

Таир. О, милостивый, я не виновата ни в чем. Когда уехал ты на охоту, я осталась дома и предалась мудрому управлению. Прежде всего я съела сокоторийские финики и вылила остаток малийского вина, потом умастила себя ароматами, потом, чтобы отдохнуть от забот, пошла и выколола глаза твоему пленнику Аведораху, потом вошла в этот покой и, встретив красивого раба, только показала ему, как поступают неверные жены, объяснив, что сама я на такой поступок совершенно не способна!

Царь. Молчи, хитрая Таир! Все равно ты не спасешь себя! О, как я несчастлив! А завтра утром придут за данью гонцы от Урхама, царя Халдейского. Я должен отдать им десять талантов, а у меня только пять. Что же мне делать! Посоветуйте!

Р а б. Прежде всего, прости меня, великий повелитель!

Царь. Вот так совет! Приковать этого пса за ногу к моему ложу. Молчи и успокойся: сегодня же отрублю тебе голову. О, великий Ашур, сколько мне предстоит работы!

Таир. Ты не должен сегодня казнить нас, о, справедливый! Ты и без того утомлен. Ты должен отложить казнь, пока не соберешься с силами!

Царь. Не хитри! Женщина Таир — ты более не царица. Иди, запишись в свою опочивальню, предавайся отчаянию, царапай себе лицо и пусть вопли твои веселят мое сердце (рабам). Уведите ее (красивому рабу). А тебя я отпущу на свободу, если ты добудешь мне к вечеру пять талантов. Ха-ха! (все кругом раболепно хохочут. Царицу уводят).

Аторага (бросаясь перед царем на землю). О, великий, прости его! Он не виновен. Это я виновата, что так плохо

сторожила входы!.. Но разве могли мы думать, что ты, о, мудрый, пойдешь через рампу?

Царь. Все вы дурачье! Уж раз видите, что тут положены доски, нетрудно было догадаться.

Аторага. Прости его, о мудрый!

Царь. Нет, я его не прощу. Но, может быть, ты хочешь разделить с ним его судьбу?

Аторага (*убегая*). Во всех случаях, кроме этого!

(*Вбегает негритенок, тащит за платье Волхв*).

Волхв (*вздевает руки кверху*). Привет могучему! И вот следил я за полетом звезды твоей, великий и мудрый, и узрел судьбу твою и устремился предупредить тебя. Внимай голосу моему: сегодня жена твоя, верная Таир, изменит тебе.

Царь. Уже готово.

Волхв. Изменит тебе девятый раз.

Царь. Одиннадцать уже есть.

Волхв (*дергает за ухо негритенка*). Ты чего же путаешь, постреленок! Отдавай назад мое яблоко.

Царь. О, я несчастный! Гумбаба!

Писец (*сидя у ног царя*). Держу резец в послушной руке!

Царь. Пиши, Гумбаба! Пиши и немедленно обожги кирпич — пусть потомство знает о страданиях великого Назир-Габала. Вот завтра чуть свет пришлет Урхам — царь Халдей-

ский своих гонцов за данью, за десятью талантами. И, если я не заплачу ему, то этот самый Урхам способен будет на всякое урхамство. Он прямо будет бить меня по морде... (*спохватившись, Гумбабе*). Гумбаба!

Писец. Держу резец...

Царь. Про морду не пиши; про морду не надо. Вместо «морда» напиши просто «величественная внешность». И «бить» тоже не надо. Напиши так: «почтительно прикоснется к моей величественной внешности». (*Опускает голову. Вздыхает*). Гм!.. Почтительно прикоснется!.. Несчастный я! Мудрый и несчастный!.. Волхв! Помоги мне!

Волхв. Дозволь взглянуть на звезды, о великий, и я все предреку тебе.

Царь. Предрекать тут нечего. Тут нужно просто раздобыть пять талантов и баста. Прочти какое-нибудь заклинание, попроси богов.

Волхв (*подумав*). Я могу прочесть хорошее заклинание! Чудесное заклинание к богу грозы Рамману. Это сейчас же вызовет сильный гром и молнию.

Царь. Ну?

Волхв. Ну и мы все очень перепугаемся.

Царь. Вот болван! Мне и без того тошно, а он еще пугать будет. Ты лучшие попроси богов, чтобы они дали мне пять талантов. Скажи, что отдам при первой же возможности.

Волхв. Н-нет. Из этого ничего не выйдет. В займы боги не дадут.

Царь. Хоть бы ломбарды были, так я бы заложил свои

браслетки. Трудно жить древнему человеку. Ну, придумай что-нибудь.

Волхв (*напряженно думает. Радостно*). Придумал! Вот и придумал!

Царь (*оживляясь*). Ну?

Волхв. Я могу прочесть заклинание богине Иштар и могу вызвать огромную змею Тиамат.

Царь. Ну и что же?

Волхв. Ну, и змея эта всех нас покусает. А кроме того, уж извини, я больше ничего не могу!

Царь. И к чему только я тебя, дармоеда, держу при своем дворе — сам не понимаю. Жалованье тебе плачу, отсыпное горячее...

Волхв. Да, платишь, нечего сказать. Я жалованья-то у тебя с прошлого Рождества не нюхивал.

Царь. Как с Рождества? Что ты болтаешь? Рождество-то еще через десять тысяч лет будет.

Все (*показывают на волхва пальцами, хохочут и дразнят его*). Заврался! Заврался! Заврался!

Волхв. Тише вы! Разрази вас Ашур двурогий! (*сердито садится трона*).

Царь. Гумбаба!

Писец. Держу резец в послушной руке.

Царь. Пиши: «казнив недостойную жену свою, загрустил славный и мудрый и произнес великие слова... великие

слова» *(меняя тон)*. Выпить бы теперь как следует, чтобы в голове затрещало. Виночерпий! Вина! Гумбаба!

Писец. Держу резец....

Царь. На чем мы остановились?

Писец. ...и произнес великие слова «выпить бы теперь как следует, чтобы в голове затре...»

Царь *(толкает писца ногой)*. Опять ты мне кирпич испортил! Начинай сначала.

(Вбегает Аторага, отводит в сторону Волхва, умоляюще шепчет ему что-то и передает два браслета. Волхв утвердительно кивает головой и, пристегнув браслет к борде, снова садится на свое место).

Царь. О, я несчастный, несчастный! Где возьму я пять талантов?

Красивый раб. О, и я несчастный! Мне ведь тоже нужно достать к вечеру пять талантов!

Царь. Молчи, собака. Как смеешь ты иметь одинаковое горе со мною!

Красивый раб. Отпусти меня и сходство наших положений перестанет оскорблять твое достоинство.

Царь *(волхву)*. Что я вижу? Зачем нацепил ты себе на бороду запястья моей жены, царицы Таир?

Волхв *(смущенно)*. Я... я... давно уже получил их от нее за мои молитвы о твоём здравии, о солнце Элама!

Царь. Что-то подозрительное!

(Виночерпий подает ему чашу с вином. Царь пробует, морщится). Виночерпий, виночерпий! Где ты черпал эту мерзость?

Виночерпий. Я черпнул немножечко в лавочке у сирийского купца Эль Гарра, потому что твои погреба пусты уже два дня — о, великий покровитель земли и неба.

Царь *(пробует вино)*. Вот мерзость! Какой-то тип мадеры! Раб дерзкий! *(толкает раба в грудь обратной стороной копья)*. Как смеешь ты подавать эту кислятину господину своему? *(Пьет, вздыхает)*. Плохи мои делишки! Пусть называют меня грозным, как бог Рамман, и прекрасным, как Шамаш и рогатым, как Ашур, все равно я бедный маленький царек и нет у меня ничего, кроме долгов и очень длинного имени: Назир-Габал-Ассур-Ил-Бил-Укинни... и так далее. Когда у меня будет больше времени и меньше забот, я вам скажу его до конца. Эх, если бы мои владения были так же длинны, как мое имя!

Волхв. Не предавайся грусти, могущественнейший! Я вижу по звездам, что тебе надлежит развлечься.

Царь. И все-то ты врешь. Какие же теперь звезды среди бела дня.

Волхв. На то я и гадатель, чтобы видеть то, что сокрыто от других.

(Вбегает Аторага и, склонившись перед царем, говорит).

Аторага. Только что прибыла на белом верблюде прекрасная танцовщица из далекой страны Урарту. Услышав о печали твоей, она хочет утолить ее своей пляской.

Царь. Пусть войдет.

(Входит танцовщица и за ней четыре девушки несут в вытянутых руках музыкальные инструменты и свернутый в трубочку ковер. Лицо танцовщицы закрыто покрывалом, стан узко обвернут шитой золотом тканью, оставляющей свободными обнаженные руки и плечи. Тихо звенят браслеты рук и ног, подвески в ушах и ожерелья. Опускается на колени, девушки повторяют ее жест).

Аторага:—Только что прибыла на бѣломъ верблюдѣ прекрасная танцовщица.

Танцовщица. Привет тебе, о солнце Элама, великий и могущественный Назир-Габал-Ассур-Ил-Бил-Укинни!

Царь *(прерывая ее)*. Стой, стой! Довольно! Если ты хочешь назвать все мои имена, то можешь это сделать на досуге у себя дома, а мне и без того скучно.

Волхв. О, лучше замолчи, прекрасная танцовщица из страны Урарту, ибо, когда жил я при дворе Меродаха-Балладана, был там такой печальный случай: взял себе Меродах новую жену и жена сия, войдя вечером в опочивальню царскую, дабы показать покорность и преданность свою, обратилась к царю с приветом, назвав его полным именем. И когда договорила она имя это до конца, то увидела с ужа-

сом, что ночь уже минула, и что царь давно ушел. И так она Меродаху за эту ночь надоела, что утром отправил он ее обратно к родителям.

Танцовщица. Так я скажу только, о Назир-Габал, то, что говорят все о тебе: ты грозен, как Рамман, прекрасен, как Шамаш и рогат, как Ашур!

Царь (*самодовольно*). Неужели это так заметно даже посторонним?

Танцовщица. Даже до чрезвычайности!

Царь. Ну, лестью ты со мной ничего не сделаешь. Утоли мою душу пляской, ибо душа моя тоскует. Сегодня приговорил я к смерти любимую жену мою и вот до сих пор не могу забыть ее, до сих пор, а ведь уж скоро вечер. Это даже удивительно! Только об одном прошу тебя, не пляши ты танец семи покрывал, потому что опротивел он всем до тошноты и пляшут его нынче по всем кафе-шантанам, да простят мне боги мой анахронизм.

Танцовщица. О, нет, повелитель. Да и как могла бы я плясать танец семи покрывал, когда на мне только одно.

(В это время четыре спутницы ее раскатывают перед царем ковер и садятся на углы его. Танцовщица ударяет в ладоши и сразу раздается музыка. Танцовщица прижимает руки к груди и начинает быстро вертеться, потом мгновенно останавливается, вскидывает руки вверх и узкая ткань падает к ее ногам. Она стоит тонкая, стройная, в прозрачной одежде, через которую просвечивает ее оливковое тело и металлические украшения пояса. Музыка сразу обрывается и только чуть-чуть звенит, замирая, пока она говорит).

Танцовщица. Не прекрасна ли я, повелитель мой?

Царь. Тело твое прекрасно, танцовщица из страны Урарту, но я хотел бы видеть и лицо твое. Подними покрывало.

Танцовщица. Я не могу поднять покрывала, о солнце земли! Мы, женщины Урарту, известны своей скромностью. Перед повелителем мы пляшем совершенно обнаженные, но покрывала с лица своего никогда не поднимаем, ибо мы очень скромны.

Волхв. Вот, а еще говорят, что нынче нет скромных женщин! О, Аль-Уцца, звезда полуденная!

Царь. Пляши!

Танцовщица. Замерли ноги мои и остановилось сердце. Дай мне один талант, о великий, только один, чтобы я видела, что не противна тебе пляска моя!

Царь. Э, нет, милая моя, насчет этого лучше не подьезжай.

Танцовщица. О, как ты прекрасен, Назир-Габал! Борода твоя подобна стаду баранов, а ноги подобны двум слонам, повернувшимся задом.

Царь. Я не люблю лести, но мне кажется, что ты искренна. Бери! *(Достает из мешочка золото и бросает ей. Она хлопает в ладоши и снова вспыхивает музыка и она пляшет, затем вдруг останавливается в новой позе, музыка замирает).*

Танцовщица. Ты храбрый воитель, Назир-Габал! И мужеству твоему завидуют все полководцы мира. Дай мне еще талант, о могущественный.

Царь. Неужели завидуют? Пляши! *(бросает ей деньги, она снова ударяет в ладоши и снова пляшет и снова останавливается в новой позе).*

Танцовщица. Ты храбрый воитель и щедрый царь. Ты никогда не отказываешь просящему! Дай мне еще талант!

Царь. Нет, голубушка, лестью ты со мной ничего не сделаешь. Мне завтра платите Урхаму Халдейскому.

Волхв. А звезды говорят, что три таланта все равно не деньги, когда нужны пять, и луна говорит, что лучше уж ничего не платить, чем срамиться.

Царь. Пляши! *(бросает ей деньги)*.

(Она снова пляшет и снова останавливается).

Танцовщица. Остановилась я и замерла, потому что сердце мое пронзено красотой твоей и вся я дрожу, как тетива под рукой лучника. Дай мне еще два таланта, чтобы я могла успокоиться!

Царь. Два таланта! Она требует целых два таланта!

Танцовщица. Если ты не хочешь дать их мне, то я буду плясать даром, ибо я сгораю от любви к тебе! И пусть весь мир знает, что танцовщица Урарту плясала даром перед царем Эламским, которому нечем было заплатить ей. *(Пляшет)*.

Царь *(в волнении утирает лоб и вдруг, схватив мешок, начинает бросать в танцовщицу пригоринями монеты. Та взвизгивает и начинает бешено плясать под бешеную музыку. Все кругом начинают визжать и хлопать в ладоши, сам царь вскакивает с места и протягивает к ней руки. Она вдруг падает на землю у ног его и музыка обрывается)*.

Царь. Иди сюда, женщина! Ты прекрасна. Если бы у тебя еще было доброе сердце, ты могла бы быть моей женой.

Танцовщица (*подымается*). У меня доброе сердце, повелитель. Вот, все золото, данное тобою, я отдаю на выкуп этого раба (*бросает деньги красивому рабу, тот смеется*).

Царь. Поистине, ты удивительная женщина! И пусть сам дракон окажется под этим покрывалом, твоё тело и твоё душа делают тебя достойной стать моей женой. Гумбаба!

Писец. Держу резец в послушной руке!

Царь. Пиши: «и взял себе мудрый жену из страны Урарту, нежную и верную». Обожги кирпич. Но как же мне быть с Урхамом?

Красивый раб. Тебе не хватало только пяти талантов, о, мудрый! Вот я отдаю их тебе!

Царь. Да, мне не хватало пяти... вот я их получил, и все-таки как будто опять не хватает... Ничего не понимаю!

Волхв. Уж если ты, о, мудрейший из царей земных, ничего не понимаешь, так уж где же Урхаму понять? Ты расскажи ему, как было дело. Он тоже ничего не поймет, все и уладится.

Царь. Пожалуй, что и так. Теперь иди ко мне, прекрасная! Вот, выпей этого скверного вина из чаши моей. Теперь ты жена моя.

Танцовщица. Да, я жена твоё! (*Поднимает покрывало*).

Царь. Таир! Опять ты надула меня!

Волхв. Ты шутишь, о мудрейший! Разве может кто-нибудь превзойти тебя хитростью? Разве не понял ты, как только вошла она, что это и есть царица Таир, пожелавшая пляской умиловить тебя?

Царь (*смущенно*). Н-да, разумеется, я сразу понял... (*вполголоса Волхву*) вот отчего, хитрая лисица, на бороде твоей болтаются ее браслеты!

Волхв. И теперь все видят, что ты простил ее, ибо дважды венчался с ней.

Царь. Ну конечно, простил и снова будет она мне женой нежной и верной.

Таир (*берет его голову обеими руками и отворачивает его лицо, а сама, изгибаясь, наклоняется к красивому рабу*). Нежной и верной! (*и раб тянется к ней*).

ЗАНАВЕС.

Примечания

В. Язвицкий. Храм Солнца

Пьеса исторического романиста, поэта, популяризатора науки и писателя-фантаста В. И. Язвицкого (1883-1957) вышла отдельным изданием в московском ГИЗе в 1922 г.

Сведений о дате написания трагедии мало, за исключением нуждающихся в проверке сетевых указаний на то, что сочинена она была в 1914 г. и шла «с успехом» на Бродвее в Нью-Йорке. Достоверно известно, что в середине октября 1926 г. Язвицкий просил в письме К. С. Станиславского ознакомиться с пьесой. Сохранилось и свидетельство писателя А. М. Соболя, относящееся к 1922 г.: «Читал Язвицкий пьесу – и всех уморил» (письмо к В. Г. Лидину от 20 октября 1922). Ряд мотивов пьесы роднит ее с фантастическим романом В. Язвицкого «Побежденные боги» (1924, в издании 1927 г. «Гора лунного духа (Побежденные боги)»).

Текст трагедии публикуется по первому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей пунктуации. Издательство приносит глубокую благодарность А. Лапудеву за предоставленную копию издания.

Тэффи. Полдень Дзохары

Пьеса писательницы, поэтессы, мемуаристки, драматурга, звезды дореволюционной и эмигрантской юмористики Тэффи (Н. А. Лохвицкой, в замуж. Бучинской, 1872-1952) относится к периоду активной театральной работы автора в 1900-х – 1910-х гг. В эти годы Тэффи, сотрудничавшей с Петербургским драматическим (Суворинским) театром, «Кривым зеркалом», Литейным театром, московским Малым театром и пр., было написано значительное количество пьес, миниатюр и скетчей.

Пьеса «Полдень Дзохары», написанная в 1908 г. и посвященная Ф. К. Сологубу, была рекомендована последним Театру В. Ф. Комиссаржевской. Постановка не осуществилась, а пьеса была опубликована в сборнике Тэффи «Семь огней» (1910).

Тэффи. Царица Таир

Пьеса (с подзаг. «Гротеск») была опубликована в журн. «Аргус» (1913, № 1, январь). Печатается по этому изданию с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Первая постановка пьесы была осуществлена Литейным театром в 1913 г. Как справедливо указывает О. Л. Фетисенко (*Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 3*), «появление этой пьесы связано с увлечением Тэффи Востоком и может быть рассмотрено как комическое или даже пародийное переосмысление ее ранней пьесы “Полдень Дзохары”, написанной с явной ориентацией на символистский театр, прежде всего пьесы Ф. Сологуба. Некоторые приемы, использованные в “Царице Таир”, восходят к классической пародии “Кривого зеркала”, знаменитой “Вампуке”».

Оглавление

<i>В. Язвицкий. Храм Солнца</i>	5
<i>Тэффи. Полдень Дзохары</i>	66
<i>Тэффи. Царица Таир</i>	85
П р и м е ч а н и я	102

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.